Незримые нити

Автор:
Евгения Горская

Незримые нити

Евгения Горская

Татьяна Устинова рекомендует

Виктора застрелили, когда он мирно гулял с собакой. Кто, зачем, почему? Теряются в догадках его брат Семен и соседка по лестничной клетке Наташа. Семен с Наташей познакомились случайно, но их сразу потянуло друг к другу… С делом об убийстве неторопливо разбирается полиция, а близкие Виктора, казалось бы, продолжают жить своей жизнью, но при этом шаг за шагом приближаются к разгадке. А как иначе, если все связаны между собой незримыми нитями? Надо только потянуть за нужную – и все раскроется…

Евгения Горская

Незримые нити

© Горская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежеотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а, напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И – главное! – чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская – непревзойденный мастер интриги. Ей удается придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляется с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас – читателей – по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь – и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива – здесь в самый раз… всего, и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

2 декабря, воскресенье

Убийца не знал, что ему повезет в первый же день. Время еще не торопило, но он молил Бога, чтобы все кончилось поскорее, и в глубине души не верил в удачу. Он пытался продумывать и другие варианты, но все они казались еще более зыбкими.

Двор был пуст. Сначала убийца боялся, что прошедший вдоль подъездов дворник примется мести тротуар, и тогда задуманное придется отложить, но человек в оранжевом жилете завернул за угол и больше не появлялся.

Убийца посмотрел на часы, было ровно восемь. По случаю воскресенья в доме горели только редкие окна, родители не вели детей в школу и детский сад, и даже собачники еще не выходили со своими питомцами. Ночь казалась полной, абсолютной.

В этом дворе убийца был второй раз. Вчера, наблюдая за жертвой, он увидел рядом женщину, которую никак не ожидал увидеть. Это не то чтобы испугало, а слегка озадачило. Совпадение было удивительным, почти невероятным.

Наблюдать за жертвой оказалось несложно, проще, чем убийца предполагал. Жертва в первый же вечер привела его к собственному дому. Убийца смотрел, как мужчина впереди догоняет у подъезда женщину, берет у нее из рук объемную сумку. Женщину убийца узнал не сразу, только когда она повернулась к жертве. Женщина улыбалась, и убийцу это почему-то разозлило. Пара скрылась в подъезде, убийца внимательно осмотрел двор.

Хорошо, что вчера он не ушел сразу. Жертва появилась снова через пару минут, ведя на поводке мохнатую собаку. Наличие собаки облегчало дело, жертва должна как минимум дважды в сутки выходить из дома. Убийца сунул руку в висящую на плече сумку, нащупал рукоять пистолета, сжал. Металл холодил даже через перчатку.

Женщина рядом с жертвой не могла представлять опасности, но все-таки ее появление беспокоило. Впрочем, у убийцы не было выбора, и он заставил себя отбросить лишние мысли.

Дверь подъезда открылась бесшумно. Убийца поднял глаза, когда жертва уже стояла на крыльце. Около бородатого человека перебирала лапами собака, но на нее убийца не смотрел. Он только успел удивиться, как спокойно и четко движется рука. Выстрел был негромким, но оглушил. Недовольная ворона закаркала где-то рядом. Человек на крыльце упал со стуком, заскулила собака.

Проверить, удачным ли оказался выстрел, времени не было. Убийца побежал в сторону улицы, у угла дома заставил себя перейти на шаг. Прохожих на улице почти не было, и он не торопясь пошел к метро. Кружились снежинки, мягкие, пушистые, ложились на асфальт и таяли.

У метро людей было побольше. Город просыпался.

13 декабря, четверг

Сосед запирал дверь. Повернулся к Наташе и кивнул.

– Привет.

«Я сплю, – вяло подумала Наташа, а потом честно констатировала: – У меня шизофрения».

Сосед не мог стоять у обитой дубовыми панелями двери. Его застрелили десять дней назад.

Лифт за спиной закрылся. Наташа сделала шажок и прислонилась боком к недавно покрашенной стене.

Мужчина с любопытством ее разглядывал.

Наташа с облегчением зло выдохнула. Мужик у двери был очень похож на убитого соседа, но все-таки не близнец. Как же она сразу не заметила!

Впрочем, ошибиться нетрудно. Такая же борода, похожая куртка. И рост такой же. Рост, кстати, так себе. Средний. Наташе нравились высокие мужчины. Жаль только, что она им не нравилась.

– Вы меня испугали, – недовольно проворчала она. Надо же как-то объяснить, почему она как дура привалилась к стене и бесцеремонно его разглядывает.

– Почему? – удивился он, развел руками и показал на свисающую с потолка лампочку. – Здесь же светло.

Она отвечать не стала. Подошла решительно к своей двери, нащупала ключи в кармане и вставила в замок.

– Не хочешь книжки взять? – раздалось за спиной.

Ей уже несколько лет никто не тыкал с первого раза.

– Какие книжки? – опешила Наташа, от удивления повернулась и чуть не уткнулась носом в бороду.

Мужчина рядом был старше убитого соседа. Лет сорок, не меньше.

– Книги моего брата, – спокойно объяснил мужчина. – Два шкафа книг. Хорошие книги, фантастика. Не знаю, куда деть.

– Себе возьмите, – посоветовала она.

– У меня есть.

– У меня тоже есть.

Глаза у него были серые. И смотрел он на нее странно. Ласково он смотрел.

– Да ты хоть посмотри книги.

– Я не читаю фантастику!

Она наконец отперла замок.

– Почему?

Он стоял рядом и мешал отворить дверь.

– Не нравится.

Она поерзала, показывая, что очень хочет попасть домой.

– Семен.

– Наталья, – вздохнула Наташа. – Подвиньтесь, пожалуйста.

Он послушно отступил в сторону.

Наташа распахнула дверь, но он придержал дверь рукой.

– Ты знала моего брата?

Серые глаза казались грустными и веселыми одновременно. Наташа не знала, что так бывает.

– Я с ним здоровалась.

Она только здоровалась с соседом и даже не знала бы, как его зовут, если бы не подруга Ксения. Ксюша знала все и про всех.

Наташа вытерла ноги о лежащий у двери коврик и наконец шагнула в квартиру. Новые ботинки, дорогие и очень удобные, оставляли на полу мокрые грязные следы.

Закрыть дверь она не успела, Семен вошел следом.

– Послушайте!.. – Это переходило уже все границы.

– Ты замужем? – Он обвел глазами прихожую, недовольно отметил торчащий из стены гвоздь. На нем раньше висел натюрморт, но Наташа недавно подарила его школьной подруге Варе Обуховой. Варя давно хвалила картину, а подарить Наташа догадалась только несколько дней назад.

– Черт возьми, какое вам дело!

Тут он решительно взял ее за руку и бесцеремонно посмотрел на пальцы. Обручального кольца у нее не было. На среднем пальце был очень красивый перстень с черным ониксом, Наташа привезла его из Израиля и очень им гордилась.

– Я хочу с тобой дружить. – Он отпустил руку и оглядел прихожую. Наверное, на предмет мужских вещей. Наташа зачем-то пошевелила пальцами.

– Что?! – изумленно спросила она.

Нет, глаза у него не веселые, грустные у него глаза.

– Я в школе дружила с подружками, – засмеялась Наташа. – С тех пор много лет прошло.

Пора кончать этот балаган.

Он протянул руку и откинул ей прядь со лба. Прядка падала на глаза.

– Семен, я устала, – отпрянула Наташа. – Я устала и хочу отдохнуть. Одна.

Он понимающе покивал, быстро шагнул опять на лестничную площадку и закрыл за собой дверь.

Следы на полу пришлось смывать тряпкой.

* * *

Сестре Борис позвонил, когда на улице стало совсем темно. Надо было позвонить раньше, поинтересоваться, не нужно ли чего, – у сестры была простуда, и из дома она не выходила. Впрочем, от любой помощи сестра всегда отказывалась, ей нравилось быть независимой.

– Ты как, Тоня? – спросил он, потянувшись рукой, чтобы выключить компьютер.

– У Семена убили брата, – не отвечая на вопрос, сообщила сестра. – В прошлое воскресенье.

В доктора Семена Аркадьевича сестра была влюблена. По-настоящему влюблена – начинала светиться за сутки перед походом к врачу и прекращала через пару дней.

Глупо, но Борис тоже встречам с врачом радовался. Вроде бы ничего особенного Семен не говорил, иногда даже орал, это когда Борис признавался, что соблюдает назначения доктора не всегда. А выходил от Семена Аркадьевича обновленным, словно получал сеанс психотерапии.

– Я не знал, что у него был брат.

– Мне позвонила Верочка. – Сестра, как обычно, не замечала того, что он говорит. То есть это на первый раз казалось, что не замечает, память у сестренки была отличной, ни одного случайного слова не пропускала. – Я тебе про нее рассказывала, мы с ней познакомились прошлым летом.

– Помню.

– Верочка ходила к Семену на прием и, пока ждала, разговорилась с медсестрой.

– Я не знал, что у него был брат.

Борис прижал телефон к уху плечом, вышел из кабинета, запер дверь.

– Был. Лет на десять моложе. Очень похож на Семена, кстати. Я однажды с ним у Семена столкнулась, мы с ним даже поболтали, с братом.

– Тоже врач?

– Бизнесмен. Семен сказал про него – проходимец.

Здание было уже совсем пустым, даже свет в коридоре горел не в полную силу. Борис не стал ждать лифта, сбежал вниз по лестнице, гордясь, что делает это без усилия, вышел под мокрый снег.

– Убийцу задержали?

– Еще нет. Пока у полиции никаких зацепок.

Рядом шумели проезжающие машины, разбрызгивали грязь. Борис отошел подальше от тротуара, свернул за угол к офисной стоянке.

– Ты на улице?

– Да. Только что вышел с работы. Как твоя простуда? – спохватился Борис.

– Я про нее уже забыла. Пока.

– Пока.

Он сунул телефон в карман куртки, отпер машину, сел за руль. Подумал, не позвонить ли Лизе, но снова доставать аппарат не стал, ехать до дома было всего минут десять.

Жена бросилась ему на шею, едва он успел закрыть за собой дверь.

– Как ты поздно! Я соскучилась. – Ему нравилось, когда она шепчет. В этом было что-то очень домашнее, умилительное.

Лизочка прижималась к мокрой куртке, он ласково ее отодвинул.

– Я тоже соскучился. – Он повесил куртку на вешалку. – Очень.

Лиза уволилась, как только они поженились. Она решила, что быть секретарем у мужа в государственной корпорации нехорошо, и Борис согласился.

Сейчас, пожалуй, он был этому рад. Сейчас он все чаще ловил себя на том, что устает от Лизы.

– Чем занималась? – Он переобулся, сидя на пуфике, и наконец крепко прижал жену к себе.

– Тебя ждала.

От волос пахло цветами, он потерся щекой, закрыл глаза.

– Только что звонила Маша. Она не дозвонилась тебе на мобильный.

Борис неохотно отпустил жену, достал из куртки телефон. Вызов от дочери был. Он не услышал его на шумной улице.

– Что сказала?

– Ничего. – Лизочка пожала плечами. – Ты же знаешь, она со мной почти не разговаривает.

Жена грустно на него посмотрела и отвела глаза.

Упрекнуть дочь Борису было не в чем, Маша разговаривала с Лизой вежливо, но жена каждый раз после встречи с его дочерью казалась обиженной. Борис старался не обращать на это внимания.

– Перезвони ей.

Позвонить дочери хотелось, Маша обычно не дергала его по пустякам.

– Сама перезвонит, если нужно.

– Боря! – мягко упрекнула жена. – Это твой ребенок!

Звонить он не стал. Он снова прижал к себе мягкие плечи и прошептал:

– Ты мой ребенок.

На миг ему стало стыдно, ничего подобного он не чувствовал. За него говорил кто-то другой.

14 декабря, пятница

Елизавета позвонила, когда Наташа готовила краски. Хотелось изобразить что-то веселое, голубое и желтое. Возможно, немного красного. Летний букет.

Картины продавались не слишком хорошо, но и не слишком плохо. На скромную жизнь хватало. Наташа сто раз пожалела, что согласилась на предложение Вари оформить квартиру очередной клиентке. У Вари была своя дизайнерская фирма, по сравнению с Наташей подруга процветала, но Наташа ей не завидовала. Даже наоборот. Она, Наташа, сидела дома и работала в свое удовольствие, а Варя все время куда-то мчалась, звонила, едва не плакала, когда клиенты были недовольны, и плевала через левое плечо, когда дела налаживались.

– Оформи квартирку, – год назад предложила Варя. – Клиентка вроде нормальная, без особых претензий. Квартира новая, пустая. Попробуй, а?

Наташа сначала отказалась, как чувствовала, что ничего хорошего из этого не выйдет, но Варя очень настаивала. И уговорила.

Сначала работа Наташе нравилась, и Елизавета нравилась, и Елизаветин муж Борис Александрович нравился. Это потом, когда все приходилось переделывать по двадцать раз и Елизавета, виновато глядя на Наташу, в последний момент изменяла очередной уже согласованный вариант, Наташа проклинала и судьбу, и Варю, и себя за то, что позволила себя уговорить.

«Первый и последний раз», – уговаривала себя Наташа, пытаясь поймать задумчивый Елизаветин взгляд. «Больше никогда». Как правило, взгляд ничего

хорошего не обещал. Елизавета тяжело вздыхала, грустно смотрела на Наташу и виновато принималась объяснять, почему сделанное совсем не соответствует ее, Елизаветиным, планам.

Сделанное соответствовало согласованным планам в точности. Больше того, окончательный вариант был именно таким, какой Наташа предлагала сразу. Но этого Наташа клиентке не говорила, только мечтала, чтобы этот кошмар поскорее закончился, и всерьез опасалась, что он не кончится никогда.

Квартира получилась отличная, вполне достойная высокого положения Елизаветиного мужа. Кем Борис Александрович работает, Наташа не знала, но догадывалась, что не простым клерком.

– Наташенька, здравствуйте, – грустно сказала Елизавета.

Никто из Наташиных знакомых не умел говорить так грустно. Даже Варя, расходясь с очередным потенциальным женихом и рыдая по этому поводу все свободное от работы время, говорила нормально, без тяжелого придыхания.

– Здравствуйте, Елизавета.

Однажды Наташа попробовала назвать Елизавету, которая казалась ее ровесницей, Лизой, но Елизавета с таким печальным удивлением на нее посмотрела, что других попыток Наташа не делала.

– Вы сегодня свободны? – голос звучал робко, словно Елизавета боялась тратить драгоценное Наташино время.

– Свободна, – осторожно призналась Наташа, с тоской понимая, что надо сейчас же послать бывшую клиентку куда подальше.

Договор выполнен, акты подписаны. Слава богу, она больше не обязана ни видеть Елизавету, ни слышать.

– Мне кажется, левая стена в прихожей пустая…

Стена не была пустой, там висел хороший пейзаж, который кто-то подарил Елизаветиному мужу.

– Вы ведь художница? Вы не могли бы нарисовать мне картину?

– Я не пишу на заказ, – твердо ответила Наташа. То есть постаралась ответить твердо.

– Не надо на заказ, – испугалась Елизавета. – Покажите что-нибудь из готовых работ. Это ведь не займет много времени, правда?

Это испортит Наташе весь день, потому что работать ей хотелось именно сейчас, а краски правильно ложатся, только когда хочется их класть.

– Не займет, – обреченно согласилась Наташа.

Зашумел лифт. Наташа прислушалась, но соседняя дверь не хлопнула. Вчерашний Семен, который хотел с ней дружить, в квартире убитого брата не появился.

Очень глупо, но от этого настроение испортилось даже больше, чем от звонка Елизаветы.

– Пожалуйста, привезите то, что у вас есть, – грустно попросила Елизавета. – Ну… Вы понимаете. Что-нибудь подходящее.

Вместо того чтобы послать опостылевшую бывшую клиентку куда подальше, Наташа послушно выбрала три пейзажа и вызвала такси.

* * *

К тому, что Маша больше не живет двумя этажами ниже, привыкнуть было трудно. Антонина Александровна за племянницу радовалась – Костя казался хорошим мальчиком. Но квартира, которую молодые снимали, была далеко, а Антонина привыкла видеть Машу постоянно.

Первую жену брата Ольгу Антонина знала плохо и мало. Они и с Борей тогда виделись нечасто, у каждого была собственная жизнь, свои заботы и интересы. Когда родилась Маша, Антонина иногда приезжала посидеть с ребенком и с облегчением уезжала, когда Оля возвращалась от врача или откуда-то еще, для чего и просила Антонину побыть с младенцем. Антонина выслушивала благодарности, целовала невестку и возвращалась к работе, к своим студентам и свиданиям с Михаилом.

Ольга умерла, когда Маше было полтора года.

Поселившись у брата в первые дни оглушающего горя, Антонина, конечно, не думала, что собственной жизни у нее больше не будет. Она быстро нашла няню, доходы брата это позволяли, она еще продолжала встречаться с Михаилом и даже строила планы летнего отдыха. Через пару месяцев оказалось, что на Михаила совсем нет времени, а отдых возможен только на даче вместе с крохотной Машей.

Ей тогда очень повезло, удалось поменять ее квартиру на другую – в одном подъезде с братом.

– Не открывай, – просил Михаил, когда маленькая Маша начинала скрестись в дверь в самый неподходящий момент.

Антонина виновато улыбалась и открывала, конечно.

Свидания становились все реже, а через два года Михаил женился. Если бы у нее было побольше свободного времени, она очень страдала бы.

Михаил и после женитьбы изредка заглядывал, жаловался на самочувствие – к своему здоровью он всегда относился очень внимательно. Еще жаловался на жену, на маленькую зарплату. Пытался обнять Антонину, но она мягко отводила его руки.

Потом он развелся, потом женился опять и снова развелся. А недавно в очередной раз сказал Антонине, что она сломала ему жизнь.

Сегодня у Антонины был свободный день. Она подумала, не спуститься ли в квартиру брата вытереть пыль, но не стала этого делать.

Борис женился год назад и почти сразу купил новую квартиру. Старую предполагалось оставить Маше, но в ней до сих пор оставались какие-то Лизины вещи, которые невестка все не удосуживалась увезти, Маша с Костей продолжали снимать жилье, и конца этому не предвиделось.

– Машенька, переезжайте, – говорила Лиза. – Папе будет приятно, что вы живете в его квартире.

Квартира была не только Борина, но и Машина, и Антонину подмывало напомнить это невестке. Не напоминала, жалела брата. Боря и без того переживал, что его семья приняла Лизу без восторга.

Племянницу Антонина хорошо понимала. Она, Антонина, тоже постаралась бы держаться подальше от робкой Лизы и ее вещей.

Впрочем, возможно, она просто необъективна. Боре с Лизой хорошо, и слава богу.

Заняться было нечем, и Антонина, вздохнув, вызвала такси.

Прием у Семена шел полным ходом. Веселая медсестра с удивлением посмотрела на Антонину:

– Вы записаны?

– Нет, – улыбнулась Антонина. – Но Семен Аркадьевич меня примет!

Ответ медсестре не понравился, но Антонина решительно уселась в кресло, достала телефон и с умным видом принялась в него смотреть.

Семен вышел из кабинета минут через десять, провожал очередного больного.

– Утром и вечером, – напомнил он старику с палочкой. – По полтаблетки. Не будете принимать лекарства, не приходите ко мне больше!

Тут доктор заметил Антонину и зло на нее уставился:

– Что случилось?

Удивительный человек Семен, ворчит и ругается, а настроение улучшается у всех, кто находится в зоне видимости.

– Ничего, – поднялась Антонина. – У меня ничего не случилось. Хочу предложить свою помощь. Слышала, что у вас умер брат.

Медсестра с удовольствием прислушивалась к разговору. Плохо, если Семен выгонит Антонину на глазах у любопытной сестрички.

Старичок с палкой остановился, принялся рыться в карманах. Подслушивает.

Семен не сказал, чтобы Антонина убиралась куда подальше, доктор тяжело вздохнул и неожиданно предложил:

– Посмотрите книги брата. Не могу я книги выбрасывать. Не могу – и все.

Вид у него при этом был виноватый.

– Ключи! – Антонина протянула руку.

За ключами Семен сходил в кабинет, попросил:

– Не потеряйте. Запасных нет.

Антонина пообещала ключи не терять, записала адрес и снова вызвала такси.

* * *

Борис проснулся, когда Лизы рядом уже не было.

– Иди завтракать, Боренька, – позвала жена, ласково глядя на него от двери в спальню. – Иди, все готово.

Борис похлопал рукой по постели – сядь сюда, жена послушно подошла, он обнял ее, вдохнул слабый запах духов. И в который раз напомнил себе, что очень счастлив.

Ему было проще и удобнее собираться на работу одному. Он, не торопясь, брился, готовил себе нехитрый завтрак, как правило, яичницу, пил крепкий чай, обдумывая предстоящий день.

Лиза мешала, и он чувствовал себя виноватым оттого, что не ценит счастья.

– Позвони Маше, – напомнила она, подавая ему какие-то биточки. Биточки были слегка подгоревшими, но Борис их послушно съел.

– Я помню.

Вечером он дочери так и не позвонил, и Маша ему не позвонила. Подступало слабое беспокойство, но он старался ему не поддаваться.

– Позвони, Боренька, не забудь. – Лиза залила молоком хлопья, села напротив и, нахмурившись, предположила: – Наверное, ей нужны деньги.

– Маша никогда не просит денег, – неожиданно резко напомнил он, но тут же виновато улыбнулся.

– Я понимаю, Боря. – Жена обиделась, посмотрела на него с упреком. – Предложи сам. Снимать квартиру дорого. Кстати, напомни ей, что они с Костей могут переселяться в нашу старую.

– Я перепишу старую квартиру полностью на Машу, – решил Борис.

Чай себе он заварил сам, у Лизы почему-то всегда получалась вместо нормального чая подкрашенная водичка.

– Правильно! Это давно надо было сделать.

Дочь он набрал, едва усевшись в машину. Маша не ответила, беспокойство подступило снова.

У поворота к работе он неожиданно попал в пробку. Ожидание злило, Борис не любил опаздывать. Он снова позвонил Маше, дочь опять не ответила.

Медленно двигаясь, он наконец миновал два столкнувшихся автомобиля. Авария была мелкой, он равнодушно посмотрел на стоявших около транспортных средств водителей, отвернулся.

Телефон зазвонил, когда Борис уже поставил машину на офисную стоянку. Он с облегчением ответил дочери и медленно пошел ко входу в здание.

– Косте предлагают работу в… – Маша назвала фирму и попросила: – Ты не можешь узнать, фирма надежная?

– Наведу справки, – пообещал Борис и неожиданно предложил: – Маш, давай пообедаем сегодня вместе. Сможешь приехать часам к двум?

Дочь ответила не сразу, и он успел почувствовать грусть и раскаянье оттого, что так редко видится с Машей и почти не интересуется ее жизнью.

– Смогу, – подумав, решила дочь.

Двух часов Борис ждал с нетерпением. Сунувшегося в кабинет помощника слушать не стал, в ресторан, в котором договорился встретиться с дочерью, пришел на двадцать минут раньше.

Маша появилась вовремя. Он с раннего детства учил ее рассчитывать время. «Заставлять себя ждать – хамство», – морщился он. Кажется, тогда он вез ее в бассейн, и они с Машей ждали подружку-одноклассницу, родители которой попросили взять и их девочку тоже.

Подружка опоздала так сильно, что в бассейн они не попали. Борис повел девчонок в кафе и, изнывая от скуки, ждал, когда они наедятся мороженым.

Тогда у Маши было еще много подружек. Потом подружка стала одна – Костя.

– Здравствуй, пап. – Улыбнувшись, Маша села напротив.

– Я по тебе соскучился, – признался Борис.

– Я тоже.

Фразы были дежурные, но Борису сделалось легко и спокойно. Он действительно соскучился по дочери.

– Как дела?

Маша не успела ответить, подошел официант, они сделали заказ.

– На будущий год договоры намечаются.

В технический университет Маша пошла, потому что туда пошел Костя. Борис, конечно, взял ей репетиторов, но был уверен, что учиться там дочь не сможет и не станет. Университет считался традиционно мужским.

Маша окончила университет, училась в аспирантуре, подрабатывала на кафедре, участвовала в работах по научным договорам и к другой жизни не стремилась.

– Как у вас с деньгами?

– Нормально. – Дочь протянула руку и погладила его пальцы. Кажется, раньше она никогда так не делала. – Не беспокойся, нам хватает денег.

Дочь была красивой девушкой. Или ему просто так казалось?

Тонкое, как у покойной Оли, лицо и огромные, как у Антонины, глаза.

Лиза рядом с ней казалась совсем простенькой. Борису стало жаль жену. Как будто жена была беспородным несчастным котенком.

– Переезжайте в нашу квартиру поскорее, – напомнил Борис. – Хватит по чужим углам болтаться.

– Спасибо, пап.

Благодарить его было не за что, квартира принадлежала им обоим.

На прощанье Маша неожиданно прижалась к нему и поцеловала в щеку.

Поднимаясь в кабинет, Борис о дочери уже не думал и чувства спокойной уверенности в самом себе и своей жизни, появившегося от встречи с Машей, не заметил. Как не замечал непонятного, почти незаметного липкого беспокойства, которое преследовало его после женитьбы на Лизочке.

* * *

Ничего хорошего из поездки не вышло. Елизавета – век бы ее не видеть! – встретила Наташу ласково, пыталась напоить чаем, а привезенными картинами восхищалась.

Почему от ласковой Елизаветы уйти хотелось немедленно, Наташа объяснить не могла.

Каждый пейзаж приложили к стене, подвигали. Затея была пустой и ненужной, Наташа прекрасно оформила стену, и все добавления ее только портили.

Наконец Елизавета в который раз взяла в руки пейзаж с опушкой леса, повертела и решила:

– Наташенька, нарисуйте мне что-то похожее, только поменьше размером. – Елизавета пальцем провела по картине, показывая, насколько нужно уменьшить холст.

– Не надо, – посмела возразить Наташа. – На эту стену ничего лишнего вешать не стоит, будет только хуже.

– Я поняла, – понуро кивнула Елизавета. Наташа не думала, что она способна признавать свои ошибки. – Но пейзаж мне очень нравится. Очень. Нарисуйте такой же, пожалуйста.

«Пожалуйста» прозвучало жалобно.

– Давайте, я сейчас заплачу половину.

– Нет! – резко отказалась Наташа и виновато улыбнулась. – Я пишу картины, только когда есть настроение. Извините.

– Конечно, конечно.

Видеть Елизавету покладистой было странно.

– Буду надеяться, что настроение у вас появится.

Наташа сложила холсты, перевязала их скотчем. С улицы раздался слабый стук, мужские голоса. Елизавета, быстро подбежав к окну, посмотрела вниз и растерянно повернулась к Наташе.

– Я читала в новостях, недавно мужчину застрелили прямо у подъезда. – Елизавета смотрела с испугом, как трехлетняя девочка.

– Моего соседа застрелили прямо у подъезда, – подтвердила Наташа.

– Что? – ахнула Елизавета. – Как?

Она смотрела с таким любопытством, что Наташа невольно улыбнулась.

– Я не знаю как. Я спала, даже выстрела не слышала. Сосед вышел гулять с собакой и… Куда она потом делась, не знаю.

– Убийцу нашли?

– Не знаю. Меня полиция расспрашивала, но я про соседа мало что знала. Так… Здоровались.

Напрасно она так не любит Елизавету, бывшая клиентка смотрела с большим участием. Просто Наташе не нравилось, что Елизавета имела право ей приказывать, а Наташа Елизавете – нет.

– Он был бандит?

– Да нет, – опешила Наташа. – То есть я понятия не имею, но…

Она не представляла, какими бывают бандиты, потому что никогда их не видела. Только по телевизору, но телевизор Наташа смотрела редко.

– На бандита не похож, – решила Наташа.

Бандит никогда не взял бы себе щенка.

Беспородного бездомного щенка где-то на даче подобрала соседка Ксюша. У нее двое маленьких детей, возиться со щенком ей было тяжело, она навязывала щенка Наташе. И навязала бы, если бы сосед Виктор случайно не проходил мимо.

Они тогда стояли у подъезда, а щенок путался под ногами. Виктор остановился рядом, потому что докуривал сигарету. Сосед бросил окурок в урну, посмотрел сначала на Ксюшу, потом на Наташу, а потом подхватил щенка на руки и молча вошел в подъезд.

– Я про него знала только, что его зовут Виктор.

– Виктор? – отчего-то удивилась Елизавета. – У меня дядю так звали.

Больше ничем удовлетворить Елизаветино любопытство Наташа не могла. Пообещала привезти пейзаж, как только он будет готов, попрощалась с Елизаветой и с облегчением вышла на улицу. Ехать с картинами в метро было неудобно. Наташа вызвала такси, села в подошедшую машину и через полчаса была уже у собственного дома.

Соседскую дверь запирала тетка в распахнутом пальто и с большой сумкой в руке. Нет, пожалуй, не тетка – дама. Пальто из искусственного меха на женщине было дорогим, а стрижка явно из хорошего салона.

Дама обернулась, на Наташу с интересом уставились большие, аккуратно подведенные темные глаза.

– Вы соседка? – требовательно спросила женщина.

– Да, я здесь живу, – подтвердила Наташа и, подойдя к своей двери, ткнула в нее рукой: – Вот здесь.

Вблизи глаза дамы были видны хорошо. Они оказались синими. Необычными. Как у принцесс на детских картинках.

Женщина мешала вставить ключи, и Наташа, прислонив картины к двери, попросила:

– Разрешите, пожалуйста.

Дама виновато подвинулась.

– Не сердитесь. Простите, если я вам докучаю. – Женщина посмотрела на мигающий огонек электросчетчика и задумчиво произнесла: – Мне очень хотелось бы узнать, что произошло с вашим соседом.

Наташа отперла дверь, распахнула ее и неожиданно предложила:

– Проходите.

* * *

Девушка казалась уставшей и грустной. Антонина вошла в тесную прихожую, прихожая была завешана картинами.

– Вы художница?

– Да, – почему-то не сразу ответила хозяйка.

Картины были неплохие. Не для Третьяковки, конечно, но и не тот хлам, который продается на вернисаже у Москвы-реки. Впрочем, и на вернисаже бывают неплохие картины, Антонина недавно купила приятельнице в подарок отличный пейзаж с одинокой лавочкой в мокром осеннем парке.

Девушка быстро переобулась, поставила грязные ботинки поближе к стене, повесила куртку на вешалку, отнесла привезенные картины в комнату, наверняка служившую ей мастерской. Антонина успела разглядеть мольберт.

– Раздевайтесь, – улыбнулась хозяйка, вернувшись. – Проходите.

Девушка больше не казалась сердитой. Карие глаза смотрели виновато и приветливо. Волосы у хозяйки были прямые и светлые, до плеч. Антонина когда-то читала, что блондинки с темными глазами кажутся интереснее своих сероглазых сестер. Хозяйка могла бы стать настоящей красавицей, если бы не поленилась потратить время на минимальный макияж.

Антонина повесила пальто рядом с хозяйской курткой, вслед за девушкой прошла в другую комнату. В комнате наблюдался мелкий беспорядок – на диване валялся планшет, который Антонина подвинула, когда садилась, на столе лежала неровная стопка бумаг, рядом разбросанные карандаши, а на полу рядом с диваном устроился ноутбук.

Девушка подвинула стоявший около стола стул и села на него.

– Меня зовут Наташа.

– Антонина Александровна, – улыбнулась Антонина.

– Я про соседа почти ничего не знаю, – призналась Наташа. – Я даже не знала, как его зовут, пока мне подруга не сказала. Она всем навязывала бездомного щенка, никто не брал, а Виктор взял. Его убили, когда он пошел гулять с собакой. Утром. Я спала еще, проснулась, когда полиция тут всех

расспрашивала.

Антонина о Наташином соседе знала больше. Знала, что Виктор на десять лет моложе Семена, что мать у них умерла пять лет назад и что отцы у мальчиков были разные. Антонина внимательно просмотрела все документы, которые нашла в квартире брата Семена.

Еще она знала, что Виктор недолго был женат и несколько лет назад развелся. И еще у него были акции нескольких фирм.

– Вчера приходил его брат.

– Семен Аркадьевич? – зачем-то спросила Антонина, как будто у Виктора мог быть еще один брат. Впрочем, и такая вероятность существовала. Почему нет?

Наташа кивнула, неожиданно прислушалась, зачем-то быстро пошла к входной двери и распахнула ее. Антонина мгновенно очутилась рядом с хозяйкой.
В дверь квартиры Виктора звонила женщина. Она была молодая, чуть постарше Маши. Она недовольно повернулась, недовольно посмотрела на Наташу и Антонину.

– Виктора больше нет. – Отодвинув Наташу, Антонина вышла вперед.

– Что? – Женщина слегка отступила. Вид при этом у нее сделался еще более недовольным, даже брезгливым.

Незнакомка едва ли была намного старше Наташи, но называть ее девочкой даже мысленно Антонина не рискнула бы. Может быть, потому что на макияж женщина времени не жалела.

На женщине была норковая шубка, уместная только в двадцатиградусный мороз. Сейчас на улице было около нуля.

У Антонины была похожая шуба, но она носила ее редко. Антонина была продвинутой дамой и считала, что сдирать шкуру с животных плохо. Правда, в сильный мороз шубу все-таки надевала.

– Виктора убили.

– Что? – Женщина поднесла руку к горлу. Брезгливость во взгляде сменилась недоумением, а прищуренные глаза стали круглыми. – Кто?

– Да вы проходите, – любезно пригласила Антонина незнакомку в чужую квартиру.

Но женщина никуда проходить не стала, она резко повернулась и побежала вниз по лестнице. Антонина и Наташа посмотрели ей вслед, свесившись через перила.

– Это его жена, – тяжело вздохнула Антонина.

– Вы ее знаете?

Антонина не ответила, протопала в Наташину прихожую, достала из кармана пальто ключи, которые Семен убедительно просил не потерять, и отперла дверь квартиры Виктора. Наташа нерешительно топталась у двери, и Антонина поторопила:

– Проходи, что ты там застряла!

В квартире Виктора она провела добрых два часа и сейчас нужные фотографии нашла быстро. Смущенный Виктор в темном сером костюме и недавняя посетительница в белом платье с фатой на голове казались счастливой парой.

– Я не знала, что он женат, – удивилась Наташа, разглядывая фото.

– Он разведен, – пробурчала Антонина и дернула рукой, показывая на тумбочки под книжными шкафами. – Там свидетельство о разводе.

Больше в квартире убитого делать было нечего. Антонина захлопнула ноутбук и попросила Наташу:

– Позвони мне, если узнаешь что-нибудь новенькое.

– Обязательно, – отчего-то охотно пообещала Наташа. – И вы мне тоже.

Антонина подошла к книжным полкам, взяла две первые попавшиеся книги. Нужно положить их в подъезде на батарею, кто-нибудь из соседей возьмет. Со своими ненужными книгами она поступала так же.

В клинике Семена уже не было, ей пришлось ловить его почти у МКАД, и она истратила на такси кучу денег. Да еще и ничего нового не узнала при этом, Семен торопился и разговаривать с ней не стал.

* * *

Антонина Александровна Наташе понравилась, от встречи с веселой бесцеремонной Антониной даже подпорченное общением с Елизаветой настроение заметно улучшилось. Наташа выпила чаю, съела два бутерброда с колбасой и поставила на мольберт холст. Писать пейзаж для Елизаветы она не стала, Елизавета подождет, а принялась небрежно выводить лепестки будущего букета.

Поздний звонок в дверь удивил. Наташа, не посмотрев в глазок, распахнула дверь и уставилась на Семена.

– Привет. – Сегодня Семен казался другим, уставшим и каким-то помятым.

– Здрассте, – кивнула Наташа.

Он подвинул ее рукой и вошел в квартиру. Похоже, сегодня ее квартира ей не принадлежит, сюда заходят, кто захочет.

Семен подвинул малазийскую плетеную табуретку, которую Наташа использовала вместо пуфика, уселся на нее и поднял на Наташу усталые глаза.

– У меня сегодня умерла больная.

– Вы врач?

– Да.

Наташа покивала – выразила сочувствие.

– Угробили тетку, сволочи! – Глаза у него были и злые, и добрые. – Родные сначала вызвали «Скорую»… У больной инфаркт был, а «Скорая» инфаркта по кардиограмме не определила, представляешь? Кретины! Потом меня вызвали. Я увидел инфаркт, снова вызвали «Скорую», на этот раз я заставил увезти в больницу. Но время было упущено…

Как еще выразить сочувствие, Наташа не знала и просто молчала.

Семен наклонился, снял ботинки, в носках наступил на пол.

– Не разувайтесь, – сказала Наташа. – У меня не разуваются.

– Я этого не люблю, – объяснил он, вешая куртку на вешалку. Вообще-то, Наташа считала, что это ей решать, в какой обуви следует ходить в ее квартире.

Под курткой был костюм. Наташин папа надевал костюм только по торжественным случаям.

Семен подумал, снял пиджак и тоже повесил на вешалку.

А потом ее обнял. Губы у него были сухие, обветренные.

– Вы что? – Наташа резко его оттолкнула. Оттолкнуть было трудно, держал он ее крепко. – Спятили?

– Почему? – Он опустил руки. – Я тебе неприятен?

Он не был ей неприятен. Это ужасно, но обветренные губы показались очень приятными.

– Я похожа на женщину, с которой?..

– Ты ни на кого не похожа, – перебил он. Смотрел он при этом ей прямо в глаза, Наташа отвела взгляд. – Я тебя увидел и понял, что ты моя женщина.

– Увидел и сразу понял? – уточнила Наташа.

– Да, – кивнул он и слабо улыбнулся. – Ты очень хорошо на меня смотрела. Со спокойным любопытством.

Ничего глупее того, что с ней происходило, придумать невозможно.

– Извините, но я… – Чего она не делает с незнакомыми мужчинами, Наташа сформулировать не смогла.

Тут Семен посмотрел на висевшие над зеркалом часы, снова сел на табуретку и принялся обуваться.

– Мне нужно погулять с собакой. У меня собака.

– Какая? – зачем-то спросила Наташа.

– Витькина, – пожал он плечами. Надел куртку и подмигнул ей. – Пока!

У убитого соседа осталась собака, а Наташа даже не поинтересовалась у Ксюши, куда делось несчастное животное. Она жестокая и бесчувственная, просто Семен плохо ее знает, иначе не счел бы своей женщиной.

Наташе нужно было задать Семену массу вопросов. Нужно было спросить, кем ему приходится Антонина Александровна, а еще сказать, что сегодня приходила жена его брата…

Она не успела. Семен закрыл дверь, Наташа ее заперла, посмотрела на себя в зеркало и только тут заметила, что улыбается.

Зазвонил городской телефон.

– Приезжай завтра, – позвала мама.

К родителям Наташа ездила часто. Родители по ней скучали, и ей одной тоже было скучно.

Ей и завтра будет скучно одной.

– Не смогу, – отказалась Наташа.

Семен не обещал завтра прийти, ждать его было глупо, и она злилась на себя, потому что ждала.

А когда вспоминала, как он предложил ей дружбу, невольно хихикала.

* * *

Борису Александровичу пришлось задержаться на работе. Он готовил срочную сводку для министра, задергал подчиненных, к вечеру сильно устал и, обнимая Лизу, хотел только одного – спать.

– Ты позвонил Маше? – озабоченно спросила жена.

– Я с ней пообедал. – Борис прошел в ванную, принялся мыть руки.

Сестра высмеивала эту его здоровую привычку.

Лиза стояла у приоткрытой двери, Борису было видно ее в зеркало.

Жена улыбалась и смотрела ласково, но ему неожиданно показалось, что услышанное Лизе не понравилось. Жена ревновала к Маше, и ему стало смешно и грустно.

– Маша просила узнать об одной фирме. Косте предлагают работу.

– Ты узнал?

– Не успел.

– Ну как же так, Боря! – нахмурилась Лиза.

Борис вытер руки и чмокнул жену в лоб.

– Чем занималась сегодня?

– Приезжала Наташа. – Лиза посторонилась, пропуская его, пошла за ним, стала у двери, наблюдая, как он переодевается. – Дизайнер.

Дизайнера он видел дважды, девушка ему нравилась. Держится скромно, но… в старину это назвали бы «с достоинством».

– Наташа предложила мне свои картины. Ей очень нужны деньги, я решила помочь. Правильно? Как ты думаешь?

– Конечно. Выбрала что-нибудь?

Борис надел домашний костюм, с удовольствием потянулся. Мягкий хлопок приятно касался тела.

– Ну… То, что она мне показывала, нам точно не подходит. Она предложила повесить свою картину рядом с испанским пейзажем, но это уж совсем никуда не годится, – Лизочка состроила брезгливую гримаску.

Борис улыбнулся.

– Туда ничего вешать не надо.

– Я тоже так считаю. Но какую-нибудь картину куплю, если ты не возражаешь. – Жена вопросительно на него посмотрела.

– Не возражаю, – засмеялся он.

– Я попросила нарисовать небольшой пейзаж. Приткнем куда-нибудь. В крайнем случае повесим на даче. Хочется ей помочь, она в трудной ситуации.

– Почему? Она смертельно больна, и не хватает денег на операцию?

– Боря! Простым людям живется нелегко! Ты этого не знаешь, но…

– Все я знаю! – Он легко обнял жену и отпустил.

Он терпеть не мог разговоров о том, как трудно найти работу, как нелегко вырастить детей. Ему тоже было когда-то трудно найти работу и нелегко растить Машу, но он не ныл, он нашел работу, работал сутками, почти не спал. Читал Маше книжки и тупел от страха, когда она заболевала. Он никому не жаловался.

Лиза тяжело, как старушка, вздохнула. Это вышло забавно, он не удержался, снова ее обнял, постоял, уткнувшись лицом в волосы.

Он плохо помнил, как любил Ольгу. Даже то, как страдал, когда жены не стало, помнил плохо. Помнил только, что боль была нестерпимой.

Недавно ему казалось, что невозможно любить сильнее, чем он любит Лизу. Сейчас ему хотелось, чтобы она поскорее заснула и он остался один.

– Пойдем ужинать. – Лиза, отодвинувшись, заглянула ему в глаза.

– Пойдем, – кивнул он.

Негромкую мелодию он расслышал, когда ужин был съеден, и Борис, подумав, налил себе рюмку коньяка.

– У тебя звонит телефон.

– Да? – Жена отодвинула чашку с чаем, неохотно поднялась, принялась шарить в лежавшей в прихожей сумке. Мелодия стала громче.

Борис обернулся, посмотрел, как Лиза поднесла трубку к уху.

– Слушаю.

Она стояла метрах в трех, но он расслышал голос неизвестного абонента. Голос был мужской.

– Я тебе перезвоню в понедельник, – быстро сказала Лиза и бросила аппарат назад в сумку.

– Кто это? – спросил Борис, когда жена вернулась.

– Один мой знакомый, – с небольшой заминкой ответила жена. – Мы когда-то работали вместе.

– Что ему нужно?

Борис с облегчением выдохнул. Он только теперь понял, как испугал его мужской голос в трубке. Почему-то он был уверен, что жена ему соврет, скажет, что звонит подружка. Ему стало стыдно, и на Лизу он посмотрел виновато.

Жена пожала плечами – не знаю, засмеялась и предположила:

– Денег, наверное. Я иногда даю ему взаймы, – и быстро добавила: – Но он всегда возвращает.

Когда она смеялась, на щеках появлялись ямочки. Это было умилительно.

Лиза не была красавицей. Но ему и не нужна красавица. Ему нужна она с ее ямочками и умилительными гримасками.

– Он тоже в трудной ситуации? – улыбнулся Борис.

– Да, – серьезно ответила жена.

Борис допил коньяк. Спать хотелось нестерпимо. Он виновато признался:

– Что-то я устал сегодня.

Он проснулся среди ночи и отчего-то больше заснуть не смог.

15 декабря, суббота

За окном шел снег. Валил крупными хлопьями, с северной стороны белил стволы растущих под окнами деревьев. Проехал маленький трактор, смахнул снег с тротуара, тот тут же снова покрылся белым слоем.

Не хотелось ничего. Утром Наташа с удовольствием поработала, букет на холсте проступал яркими пятнами, казался только что сорванным. Картина получалась неплохая.

Желание работать пропало сразу, мгновенно. Наташа еще водила по холсту кистью, но рука уже не хотела слушаться. Сунув кисть в растворитель, она подошла к окну и долго стояла, глядя на пушистый снег.

В комнате стало совсем темно. Наташа нехотя задернула занавеску, включила свет, прислушалась.

Прислушивалась она с самого утра. Сначала с радостью, потом с тоской. Несколько раз лифт останавливался на их этаже, но соседняя дверь не хлопала, а в ее квартиру никто не звонил.

Конечно, она очень на себя злилась и очень себя ругала, но прислушиваться не переставала. Иногда даже подходила к входной двери и замирала перед глазком.

Газ под чайником она включила, в очередной раз отойдя от двери. Надо было хоть что-нибудь перекусить, но аппетита не было совсем.

Заваривать нормальный чай было лень, и она бросила в чашку пакетик.

Звонок в дверь раздался, когда рука легла на ручку чайника.

Наташа замерла, отпустила чайник и, медленно выйдя в прихожую, распахнула дверь.

Семен стоял, привалившись боком к стене.

Наташа держалась за ручку двери и молча на него смотрела. Меховую кепку он снял и держал в руке, на лбу проступали заметные залысины.

Она отпустила дверь и отступила назад – проходи. Он на секунду замялся, наступил на придверный коврик и протянул к ней руки. На этот раз его губы показались не обветренными, а мягкими и прохладными.

– У меня один выходной день – воскресенье, – объяснил Семен, усаживаясь на табуретку и разуваясь. – По субботам я тоже работаю.

– Я тебя ждала, – этого не надо было говорить, но она сказала.

– Теперь ты будешь ждать меня всегда, – серьезно заверил он, глядя на Наташу снизу вверх.

А потом засмеялся, и Наташа засмеялась тоже.

На кухню он отправился без приглашения, уселся за стол и жалобно попросил:

– Поесть что-нибудь дашь? С утра ничего не ел.

– Дам, – кивнула Наташа.

Не зря она еще утром натушила кастрюлю мяса. Такое жаркое, как у мамы, не получилось, но пахло вкусно.

– Ух ты! – восхитился Семен, когда она поставила перед ним тарелку. – Сама готовила?

– Сама, – подтвердила она. – У меня прислуги нет.

Он поймал ее руку и поцеловал.

– Хочешь, найму тебе домработницу? – Глаза у него смеялись, но говорил он серьезно. – Я нормально зарабатываю.

– Не хочу, – проворчала Наташа.

Она тоже ничего не ела с самого утра, но себе мяса с картошкой положила немного. Женщина не должна быть обжорой.

– Вчера приходила Антонина Александровна…

Семен махнул рукой – приходила и приходила. Не стоит обращать внимания.

– Кто она тебе?

– Больная, – удивился он и, подумав, кивнул. – Подруга.

– Так больная или подруга? – уточнила Наташа. – Или больная подруга?

– Мои больные – мои друзья. – Он отодвинул пустую тарелку. – Спасибо. Чаю.

Наташа поднялась, потянулась к чайнику.

Семен поймал ее за талию и встал.

– Не надо чаю, – передумал он. – Одевайся, поедем ко мне. Мне нужно вывести собаку.

Борода щекотала щеку. Он целовал лоб, глаза. Тюлевая занавеска не была задернута полностью, и Наташа равнодушно подумала, что их видно из дома напротив. Она потянулась подбородком вверх, Семен поймал ее губы. Больше она не думала ни о чем. Наверное, у нее случилось временное помешательство.

16 декабря, воскресенье

О том, что утром она записана на стрижку, Антонине напомнили накануне вечером. Администратор салона красоты ворковала в трубку, Антонина заверила, что помнит и обязательно придет.

Салон располагался в трех минутах ходьбы от дома. Время еще было, и она попробовала позвонить Семену. Вчера она звонила ему всю вторую половину дня, в первой половине звонить поостереглась, Семен принимал больных и злился, когда его дергали. Антонина звонила до десяти вечера, но доктор не отвечал. Странно, вчера она не беспокоилась, а сегодня от тревоги не могла думать ни о чем другом.

Антонина набрала номер и облегченно выдохнула, когда услышала недовольный голос.

– Это Антонина Александровна, – постаралась проворковать Антонина. Кажется, получилось не хуже, чем у администратора салона красоты.

– Что случилось? Давление? – быстро перебил Семен.

– Нет, я по другому поводу…

– Я занят! – опять перебил он и отключился.

Антонина тяжело вздохнула и положила трубку.

Ей давно уже никто не хамил, кроме Семена. Удивительно, Семен хамил всем, но ухитрялся делать это как-то так, что никто на него не обижался. И она не обижалась.

На улице была настоящая метель. Ветер мел снег прямо в глаза, Антонина брела, зажмурившись, и в салон опоздала на пару минут. Нехорошо, она терпеть не могла опаздывать.

Парикмахер Марина, к которой Антонина ходила уже лет двадцать, заулыбалась, наблюдая, как Антонина вешает пальто на вешалку. Они с Мариной друг другу нравились.

Парикмахер за время знакомства из тоненькой девочки успела превратиться в солидную даму, вышла замуж, родила сына, а Антонина как была немолодой одинокой теткой, так ею и оставалась.

– Стрижемся? – Марина, дождавшись, когда клиентка усядется в кресло, подняла Антонинины волосы.

– На сантиметр, – кивнула Антонина.

Марина была дорогим мастером, но на стрижку Антонина денег не жалела, даже когда денег у нее было, мягко говоря, немного. Впрочем, в последние годы жаловаться на бедность у Антонины поводов не было. Зарплата плюс пенсия позволяли не отказывать себе в мелких радостях.

Ласковые руки заскользили по голове, Антонина закрыла глаза.

– Недавно стригла вашу невестку.

Антонина засмеялась, уставилась на Марину в зеркало.

Марина, копируя жену брата, нахмурилась, повертела головой и грустно пропела:

– Непло-охо. Спасибо.

– Я жалею, что навязала ее тебе, – призналась Антонина.

– У меня всякие клиентки есть, – весело махнула рукой парикмахер. – Мне не привыкать.

О мастере-парикмахере Антонина разговорилась с Лизой почти сразу, как Борис их познакомил. Лиза похвалила Антонинину стрижку, Антонина рассказала про Марину, которую давно считала почти подружкой. Невестка мастером заинтересовалась, Антонина дала координаты и забыла об этом разговоре. Невестка теперь стриглась у Марины и очень часто с грустью жаловалась на не вполне удачную стрижку. На это Антонина советовала сменить мастера. Мастера Лиза не меняла, потому что прекрасно понимала, что лучшую прическу ей едва

ли кто-то сделает. Волосы у Лизы были так себе.

Невестку Антонина терпеть не могла.

Лиза заинтересовалась не только парикмахером. К Антонине приходила девушка-белоруска убирать квартиру, ее телефон Лиза тоже попросила. Вообще-то, с уборкой Антонина справлялась сама, но пару лет назад она сломала руку, и помощь потребовалась. Оксану она нашла через фирму, сначала платила деньги фирме, а потом Оксана стала приходить, не ставя фирму в известность. И правильно. И Оксане незачем отдавать приличную часть ею же заработанных денег, и Антонине ни к чему лишние звонки.

Теперь Оксана работала у Лизы три раза в неделю, а к Антонине приходила время от времени, как и раньше. После уборки они пили чай и сплетничали.

Марина феном распушила уложенные волосы, закрепила прическу лаком. Довольная своей внешностью Антонина повертела головой, сунула мастеру пятисотку и отправилась к администратору платить в кассу.

Придя домой, она позвонила Оксане и договорилась, что девушка придет сегодня же. Большой уборки квартира не требовала, но Антонине очень хотелось знать, как обстоят дела в новой семье брата.

* * *

– Я занят! – рявкнул Семен и бросил телефон на письменный стол. Именно бросил, аппарат проехал по столу пару сантиметров.

– Кто это? – лениво спросила Наташа, потянувшись на подушках, и запоздало на себя разозлилась. Вопрос был неуместным и невежливым, Семен не обязан перед ней отчитываться.

Квартира у Семена была маленькая, однокомнатная, раскладной диван занимал в ней значительное место.

– Антонина. – Улыбнувшись, Семен повернулся к ней вместе с вращающимся креслом.

Глядя на Наташу, он все время улыбался. От этого ей тоже хотелось улыбаться, а еще становилось грустно, потому что хотелось, чтобы Семен улыбался ей всегда. Очень глупо, случайные связи не бывают долгими.

– Антонина Александровна, которая к тебе приходила. Она профессор, между прочим. Математик.

– Надо же! – удивилась Наташа. – Ни за что не подумала бы!

– Почему?

– Так… – Она пожала плечами и снова потянулась. – Не подумала бы, и все.

– По-моему, Антонина собирается искать Витькиного убийцу. У нее глаза горели, когда она брала у меня ключи от квартиры. И потом все время порывалась у меня что-то спросить. – Семен перестал улыбаться и весело констатировал: – Дура.

– Почему дура? – возмутилась Наташа. От возмущения она даже села. – А тебя не интересует, кто убил твоего брата? Меня, между прочим, это очень интересует!

– Ты тоже дура, – засмеялся Семен и уставился на окно за спиной Наташи. Улыбка с его лица сползла.

На подоконнике стопками лежали книги. Сейчас книг за занавеской не было видно, Семен задернул их, едва зайдя в квартиру вчера вечером.

Мягко протопал Кузя, положил лапы Семену на колени, Семен погладил собаку. Кузя казался грустным, это Наташа еще вчера отметила. Рядом с соседом Виктором собака прыгала, повизгивала, а в квартире Семена равнодушно лежала на коврике в углу прихожей и без интереса наблюдала за Наташей.

– Сейчас пойдем гулять, – пообещал собаке Семен и посмотрел на Наташу. – Я его выведу, а ты собирайся пока, в ресторан сходим.

– Зачем? – не поняла она. Ей не хотелось никуда идти.

– Дома есть нечего.

Семен быстро оделся, подмигнул Наташе в висевшее в прихожей зеркало, поймал Кузю и мягко хлопнул дверью.

Наташа почистила зубы пальцем, наспех подкрасила ресницы и заглянула в холодильник. Семен не обманул, холодильник был практически пуст, если не считать банок с собачьим кормом. Наташа нашла только три яйца и кусок обветренной копченой колбасы. Она понюхала колбасу, решила, что после термической обработки продукт будет съедобным, нашла сковороду и пожарила яичницу с колбасой.

В хлебнице нашлось несколько кусков резаного белого хлеба. Хлеб не казался заплесневевшим. Его Наташа тоже понюхала, сняла со сковороды яичницу и обжарила хлеб.

Волноваться она начала, когда яичница совсем остыла. Сначала с досадой подумала, что не догадалась спросить у Семена номер телефона, тут же вспомнила, что телефон остался на столе. Потом просто стояла у окна, глядя на заснеженный тротуар. Окно выходило на противоположную от подъездов сторону, но она отчего-то боялась отойти от окна.

Дверь хлопнула, когда ей казалось, что это уже никогда не произойдет.

– Почему так долго? – не поворачиваясь от окна, спросила Наташа.

– Долго? – удивился Семен и посмотрел на часы. – Часа не прошло.

Кузя протопал к стоявшей на кухне миске, тяжело вздохнул – миска была пуста.

Наташа наконец оторвалась от окна, наклонилась, погладила собаку.

– Я не знала, что с собаками гуляют так долго.

Семен не ответил. Открыл банку собачьих консервов, вывалил содержимое в миску. Потом оглядел стол, улыбнулся, притянул к себе Наташу и чмокнул в ухо.

– Мне казалось, что ты никогда не придешь, – жалобно проскулила она.

– Тебе стало меня жалко? – засмеялся он. Невесело засмеялся, понимающе.

– Мне стало грустно. Кроме тебя, мне никто не скажет, что я тоже дура. – Она выбралась из его рук и приказала: – Садить завтракать. Нечего тратить деньги на рестораны.

Семен смотрел на нее ласково и немного заискивающе, как Кузя. Ей было с ним очень хорошо, казалось, что она знает его давно и может предугадать каждый его шаг. Она не поверила бы, что способна на такое… безумство.

Безумство Наташе нравилось. Она свободная женщина и имеет на это право.

* * *

Антонина еле дождалась, когда Оксана перестанет гудеть пылесосом. Потом с нетерпением ждала, когда перестанет шуметь вода в ванной. Странно, Антонина не любила грязи, смесители протирала часто и тщательно, но такого блеска на металле, который всегда получался у Оксаны, достичь не могла.

– Все! – наконец объявила Оксана, заглянув в комнату к Антонине. – Все, Антонина Александровна.

– Волшебница ты, – похвалила Антонина, направляясь на кухню. Включила чайник, но Оксана, оттесняя хозяйку, принялась хозяйничать сама.

Чаепитие после уборки было у них ритуалом.

– Если бы вы меня не позвали сегодня, я сама бы приехала. – Оксана подвинула Антонине вазочку с печеньем.

– Достает тебя Елизавета?

– Не в том дело… – Оксана махнула рукой. – Борис Александрович недавно в командировку ездил…

– Да, – подтвердила Антонина, чувствуя себя гостьей. Чувствовать себя гостьей было приятно.

– Я в подъезде у Бориса Александровича случайно познакомилась с одной девушкой… У нее маленький ребенок, восемь месяцев, я однажды помогла ей коляску вывезти. Короче, она меня иногда зовет помочь с ребенком. Когда няня у них болеет.

– Няней лучше работать, – воодушевилась Антонина. – Попробуй, договорись.

– Да меня и моя работа устраивает, – отмахнулась Оксана. – С ребенком нужно целый день сидеть.

– Это да.

Оксана налила чай, достала с полки сахарницу, села напротив Антонины.

– В общем, я ночевала с ребенком, возилась с малышом, чтобы родители поспали подольше. – Оксана отпила чай, обняла чашку пальцами и заговорщицки наклонилась к Антонине. – Елизавета явилась домой утром.

– Что?! – выпрямилась Антонина.

– Угу, – кивнула Оксана. – Мы с малышом у окна стояли. Елизавета явилась домой утром, только-только рассвело. Я видела, как она зашла в подъезд. Это было как раз тогда, когда Борис Александрович уезжал в командировку.

– Могла просто выйти куда-нибудь утром, – с сомнением предположила Антонина.

– Куда? – хмыкнула Оксана. – В магазины она не ходит, да и закрыты они еще были. Она, кстати, накануне заставила меня продуктов ей накупить. Я покупки привезла вечером, часов в восемь. Отдала продукты и пошла к малышу.

– Может, просто так вышла, прогуляться…

– Ну конечно! Гулять она пойдет! – Оксана возмущенно потрясла головой. – Валяется целыми днями, как колода. Как только бока не отлежала!

– Ч-черт…

Антонина терпеть не могла невестку и брак брата считала идиотизмом, но то, что она услышала, казалось чем-то невозможным.

– Если что-нибудь еще заметишь, позвони немедленно!

– Обязательно, – пообещала Оксана. – Я сразу хотела вам позвонить, но… как-то не решилась.

– Ну и зря!

Оксана вымыла посуду, Антонина заперла за девушкой дверь.

Она терпеть не могла Елизавету, но сейчас сделала бы все возможное, чтобы брат продолжал жить с молодой женой спокойно и счастливо. Он это заслужил. Антонина помнила, как Боря постарел после смерти Ольги. Она одна знала, как тяжело ему было одному. Конечно, она очень ему помогала, но даже самая лучшая сестра никогда не заменит жену.

– Черт! – вслух сказала Антонина. – Черт!

«Несчастье на вашей семье, – сказала когда-то цыганка, упорно хватая Антонину за рукав. Они с Борей хоронили мать, цыгане бродили у ворот кладбища. – Я тебе сейчас всю правду расскажу».

«Не надо мне правды! – вырвала руку Антонина. – Сама все знаю!»

Тут Боря позвал ее, Антонина влезла в автобус, они поехали на поминки.

О цыганке она впервые вспомнила, когда умерла Ольга.

Антонина тряхнула головой, отгоняя неприятные воспоминания, и напомнила себе, что не верит ни в предсказания, ни в приметы.

Зазвонил телефон. Голос Михаила звучал, как обычно, уныло.

– Чем занимаешься? – поинтересовался старый друг.

– Ничем, – призналась Антонина.

– Хочешь, я к тебе приеду?

– Хочу, – решила Антонина.

Обычно она от Михаила уставала, но сейчас его общество казалось спасением. Сказать, что Оксана ее расстроила, означало не сказать ничего.

* * *

– Как же ты живешь с пустым холодильником?

Обедать пришлось идти в ресторан, он располагался в двух минутах ходьбы от дома. Семена здесь знали. Улыбающаяся черноволосая дама-хозяйка с огромными восточными глазами лично приняла заказ и с большим интересом смотрела на Наташу.

– У меня не всегда пустой холодильник, – улыбаясь, ответил Семен. Подумал, протянул руку, поймал ее пальцы и поцеловал. – На обратном пути зайдем в супермаркет, купим продукты. Теперь буду следить за холодильником, мне же надо не только Кузю кормить, тебя тоже.

Наташе хотелось погладить его пальцы, но она постеснялась.

– Да, – напомнил он себе. – И не забыть купить зубную щетку.

– Я сегодня не останусь, – сказала Наташа.

– Почему? – Он перестал улыбаться. – Тебе со мной плохо?

– Мне с тобой очень хорошо, но я не останусь. Мне работать надо, – объяснила Наташа. – Денежки зарабатывать.

– Утром уедешь, – отмахнулся Семен и снова улыбнулся.

– Нет, – Наташа покачала головой. – Я уеду вечером.

– Почему?

Она пожала плечами. Безумство ей нравилось, но всякое безумство должно иметь свои границы.

Подошел официант, поставил перед ними борщ. Он оказался вкусным, такой Наташа приготовить не смогла бы.

– Где ты работаешь?

Когда он не улыбался, начинал казаться несчастным. Наташе захотелось погладить намечающуюся лысину.

– Дома, – вздохнула она. – Пишу картины. Одна клиентка заказала пейзаж, а я еще не начинала.

– Пиши у меня, – с облегчением принял Семен решение.

– Семен, не дури! – ахнула Наташа. – Как ты себе это представляешь? Мне для работы нужно много места. И вообще…

Для работы ей нужно много места, и хорошее освещение, и особое, спокойное, рабочее настроение.

– А как быть? – серьезно спросил он. – У меня собака, мне нужно выводить ее два раза в сутки.

– Будем дружить в свободное от работы время, – объяснила Наташа и хмыкнула. – Правда, дружба у нас получилась довольно тесная.

– Уедешь завтра утром, – окончательно решил Семен. – Утром буду тебя отвозить, а вечером забирать.

Зазвонил телефон. Семен недовольно поморщился, полез в карман, рявкнул в трубку:

– Да!

В трубке звучал женский голос, Наташу это кольнуло.

– Лариса, – объяснил он, убирая телефон в карман. – Витькина жена.

– Я тебе пыталась рассказать, что она приходила в пятницу, – возмутилась Наташа. – А ты даже не слушал!

– Ну приходила и приходила, – отмахнулся Семен. Почему-то он начинал злиться, когда она заговаривала о его брате.

– Она звонила в квартиру! Она что, не знала, что Виктора уже нет? – наконец догадалась Наташа.

– Значит, не знала.

– Ты не сказал жене, что ее мужа убили?!

Официант убрал пустые тарелки, принес мясо.

– Послушай, – поморщился Семен, принимаясь за отбивную. – Витька разошелся с Ларисой сто лет назад. У меня и телефона ее не было.

– Все равно. – Наташа отрезала кусочек мяса. – Это как-то ненормально.

Мясо таяло во рту. Если он привык постоянно так питаться, ей придется долго учиться готовить. Впрочем, не факт, что ему не захочется дружить с кем-то еще, с обучением можно не спешить.

– У нас вся семья была ненормальная, – усмехнулся он. – Мы с Витей от разных отцов.

– Ну и что?

– Я отца плохо помню. Он военный был, погиб, когда мне пять лет было. – Семен медленно жевал мясо. – Отчим неплохой мужик был, в снежки со мной играл. Он исчез, когда Витька совсем маленький был. Потом иногда в гости приходил. А года два назад умер. Витя ходил на похороны, а я не пошел.

– Почему?

– Так… Не захотелось.

На десерт принесли чай и пирожные. Казалось, что пирожное в нее уже не влезет, но Наташа и его съела.

– Сколько помню, мать все время нервы лечила.

– Она была несчастная, – тихо сказала Наташа.

– А мы с Витькой никому не были нужны.

Семен поискал глазами официанта, но снова подскочила хозяйка. Наташа не поняла, откуда она появилась.

– Все нормально, Семен Аркадьевич?

Хозяйка наклонилась над Семеном, заглянула в глаза. Хозяйке было лет тридцать пять, и Наташа не могла не признать, что она очень интересная женщина.

– Все отлично, Ниночка. – Семен галантно поцеловал женщине руку. Хозяйка исчезла, и он кивнул Наташе: – Пойдем! Скоро Лариса приедет, а нам еще надо в магазин успеть.

* * *

Михаил опоздал на сорок минут. Он всегда опаздывал. Когда-то Антонину это злило. Однажды она почти час ждала его у выставочного центра, продрогла и переволновалась. Звонила ему на сотовый, слышала, что абонент недоступен, и умирала от страха, что он не появится никогда.

На выставку они тогда не попали. Антонина что-то гневно выговаривала, а Михаил смотрел на нее непонимающими глазами и неохотно объяснял, что его задержали обстоятельства. Потом он разозлился, констатировал, что она истеричка и иметь с ней дело нормальному человеку просто невозможно. Он даже порывался повернуться и уйти, но Антонина виновато удержала его за руку.

Это было очень давно, Маша еще не родилась.

– Устал, – пожаловался Михаил, протягивая Антонине букетик цветов.

Антонина развернула прозрачную бумагу, уткнулась носом в чахлые голубые цветочки. Цветы были влажными – на улице шел снег.

– Раздевайся, отдыхай, – улыбнулась Антонина и потянулась к нему губами – поцеловать.

Цветы она поставила в старую хрустальную вазу. Ваза была еще мамина, маленькая Тоня когда-то ставила в нее осенние веточки. Это называлось зимний букет. Красивые желтые листья быстро обвисали, делались мятыми, серыми, но Антонина и мама любовались букетом всю зиму. Перед вербным воскресеньем букет выбрасывался, и в вазу ставились ветки вербы. Верба выбрасывалась осенью.

Михаил, сняв куртку, уселся на диван, с удовольствием откинулся на спинку. Антонина села рядом.

– Как дела? – улыбнувшись, спросил он.

Она знала, что ее дела мало его интересуют, но не удержалась, пожаловалась:

– Так себе.

– Что такое? – нахмурившись, спросил он.

Миша не любил чужих проблем, он считал, что ему вполне хватает своих.

Антонина резко поднялась и прошлась по комнате.

– Очень вероятно, что у Бориной жены есть любовник. – Она отдернула занавеску и посмотрела в темное окно. Снег крупными хлопьями кружился в свете фонарей.

Михаил невесело рассмеялся.

– Нечего на молодых дурах жениться.

– Я не знаю, что мне делать, Миша. – Антонина отвернулась от окна.

Михаил равнодушно пожал плечами.

– Это ему надо думать, что делать. Не тебе.

– Он ничего не знает.

Михаил протянул руку, подложил под спину валявшуюся на диване декоративную подушку.

– По-моему, ты слишком много внимания уделяешь Бориным проблемам.

– Это мой брат, Миша.

– Вот именно, брат! Не муж и не ребенок! Он не маленький мальчик, сам должен со своими бабами разбираться!

Антонина вздохнула, опустилась на стоявший рядом стул. Садиться рядом с Михаилом расхотелось.

– Мы могли прожить с тобой такую счастливую жизнь!..

Ему ничто не мешало жениться на ней много лет назад. И ничто не мешало жениться потом, когда Маша подросла.

Ему мешал чужой ненужный ребенок, и Антонина хорошо его понимала.

– У всех моих друзей такие хорошие семьи! Только я…

– Женись, – посоветовала Антонина.

Она страдала, когда Михаил женился в первый раз. И страдала, когда он женился еще раз.

– Мне иногда кажется, что ты сделана из металла. – Он с тоскливым упреком посмотрел на Антонину. – Железная леди.

Антонина не знала, из чего она сделана.

– Я не могла бросить Борю одного с маленьким ребенком.

Зря она это сказала, она тысячу раз это уже говорила.

– А меня бросить ты могла?

Это тоже говорилось тысячу раз. Или даже две тысячи.

– Пойдем ужинать, Мишенька, – поднялась Антонина.

Когда она ждала Михаила, ей хотелось рассказать, что убили брата Семена. Сейчас не хотелось говорить ни о чем.

С Семеном Антонину познакомил Михаил. Друг за здоровьем следил, докторов подбирал тщательно и Семеном был очень доволен. Несколько лет назад у Антонины принялось скакать давление, и Михаил посоветовал обратиться к Семену Аркадьевичу.

Борю к Семену потащила уже она сама. У Бори с давлением было все нормально, но Антонина настояла. Наступает время, когда хороший доктор становится необходим.

Голубые цветы в вазе казались совсем поникшими. Наверное, нужно было бросить в воду таблетку аспирина.

Антонина переставила вазу со стола на подоконник.

Михаил уехал часа через три. Она с облегчением заперла за ним дверь.

* * *

– Я посижу на кухне, пока ты будешь разговаривать с Ларисой, – предложила Наташа.

Стемнело. Снег за окном казался нарисованным, ненастоящим, как на рождественской открытке.

– С какой стати? – поднял на нее глаза Семен. Он, сидя за письменным столом, читал толстенный медицинский справочник. Справочник был новый, текущего года издания, хорошо оформленный и наверняка стоил немало. Семен ручкой делал в нем заметки на полях.

Наташу учили беречь книги. Она даже страницы никогда не заминала.

Ответить Наташа не успела. Раздался звонок, Семен открыл дверь бывшей жене брата.

Это была позавчерашняя женщина в шубке. Только сегодня шуба на ней была другой, светлой, почти белой.

Длинная красивая шуба. Наташа такую никогда не надела бы, она не тетка из позднего советского времени.

– Сенечка! – Лариса прижалась к Семену. – Сенечка, как же так?..

– Раздевайся, Лара. – Семен снял шубу с плеч бывшей невестки, повесил на вешалку. Лариса расправила на шубе рукав. – Проходи.

Кузя на гостью посмотрел равнодушно, нехотя подошел к Наташе, прижался к ноге.

Лариса вслед за Семеном вошла в комнату, Наташу словно не заметила, скользнула по ней взглядом, как по мебели. Наверное, не узнала.

– Это моя жена, – объяснил Ларисе Семен.

Бывшая невестка на «жену» не отреагировала. Видимо, у Семена периодически появляются «жены». Невестка опустилась на ближайший стул, поднесла сжатые ладони к лицу.

– Как же так, Сенечка?

Наташа тихо проскользнула в кухню, сиротливо села на табуретку. Собака неслышно ткнулась мокрым носом ей в колени.

– Застрелили… – неохотно говорил за стеной Семен. – …Кремировали…

Лариса спрашивала, он односложно отвечал.

– Он не мучился? – женский голос звучал жалобно.

На это Семен отвечать не стал.

– Хочешь взять что-нибудь на память, дам тебе ключи.

Запасные ключи от квартиры Виктора они сделали два часа назад. Семен заметил металлоремонт у входа в супермаркет, и пожилой кавказец выдал им копии.

Взять ключи Лариса захотела. Еще некоторое время помучила Семена, а потом зашуршала в прихожей шубой.

– Обязательно позвони, когда поедешь на кладбище, – попросила она на прощанье и опять прильнула к Семену.

Наташе из темной кухни это было хорошо видно.

Взять невестку на кладбище Семен не пообещал, прошуршал замком и остановился у двери кухни.

– Ты почему в темноте сидишь?

– Так… Почему Лариса развелась с Виктором?

– Это он с ней развелся, – хмыкнул Семен. – Потому что…

Наташа не ожидала, что он может использовать непечатные выражения.

– Семен!

– Извини. – Говорить о том, почему брат развелся, ему не хотелось.

Ему вообще не хотелось говорить о брате.

– Послушай… – приставать не стоило, но она не удержалась, – неужели ты не хочешь узнать, кто убил твоего брата?

Кузя прижимался к коленке, она погладила собаку.

– Почему не хочу? – Семен ответил не сразу. – Хочу. И узнаю!

– Но ты же ничего для этого не делаешь.

– Я думаю. Наташ, отстань.

Он подошел и обнял ее сзади. Недовольный Кузя отправился в прихожую, на подстилку.

– Где Виктор работал?

– О господи! – Семен ее отпустил. – Бизнес у него какой-то был. Его компаньон обещал мне документацию представить. Я в этом не разберусь, но у меня одна больная хороший экономист, она поможет. Еще вопросы есть?

– Есть, – кивнула Наташа.

– Компаньон честный парень.

– Откуда ты знаешь?

– Мне так показалось.

Семен тяжело вздохнул и сел на соседнюю табуретку.

– А девушка у Виктора была?

– Не знаю. Послушай, если тебе кажется, что я об этом не думаю, ты ошибаешься. Пойдем. – Он, поднимаясь, потянул Наташу за руку.

Он почему-то не любил находиться на кухне.

– Не надо, – покачала она головой и высвободила руку. – Я поеду домой, Семен.

– Почему? – Он резко к ней наклонился. – Тебе со мной плохо?

– Я поеду, потому что мне с тобой очень хорошо, – честно сказала Наташа.

Надо уезжать. Потому что Лариса никак не отреагировала на «жену», из чего следовало, что к «женам» она привыкла. Потому что восточная красавица Ниночка наклоняется к Семену и заглядывает ему в глаза, а он целует ей ручку.

– Не понял.

– Все ты понял! – зло сказала Наташа.

Он тяжело вздохнул, погладил ее по голове, как кошку, и прошептал в ухо:

– Ты мне верь.

– Я тебе верю, – невесело засмеялась Наташа. – Тебе со мной хорошо, и мне с тобой хорошо. Только потом грустно будет, когда хорошее закончится.

– Оно не закончится.

– Семен, кончай, – попросила она. – Ты меня увидел и мгновенно полюбил до гроба?

– Я не знаю, как это называется. – Он снова сел на табуретку. В слабом свете коридорной лампы Наташа почти не видела его лица. – Я тебя увидел и… Ты была такая перепуганная… Почему ты испугалась, кстати?

– Приняла тебя за Виктора, – призналась Наташа.

– Ты была перепуганная и очень красивая и смотрела с какой-то безнадежностью… И я понял, что ты мне нужна.

– Семен, так не бывает.

– Кто сказал?

– Я говорю!

– Так бывает. А когда я увидел тебя со всех сторон!..

– Семен!

– Пойдем! – Он встал и снова потянул Наташу за руку. – Я теперь всегда буду хотеть, чтобы ты была рядом. Привыкай. Если только убьют, как Витьку…

– Прекрати! Не надо так шутить.

– Пойдем, Наташ, – устало попросил он. – И не дури больше, прошу тебя.

Где-то вдалеке завыла «Скорая». Или полиция. Наташа плохо различала сирены. Звук быстро отдалялся и вскоре совсем затих.

17 декабря, понедельник

К утру резко похолодало.

– Боря, надень дубленку, – озабоченно предупредила Лизочка.

Борис кивнул, улыбнулся. Глазки у жены после сна были припухшими, она походила на пушистую кошечку.

– И не забудь узнать про фирму для Кости.

– Не забуду. – Он снова улыбнулся.

Недавно Лизу постригли совсем коротко, и сейчас непослушные волосы выбивались неровными умилительными прядями.

Ему хорошо с Лизой. Ему едва ли было бы лучше с кем-то другим.

Сначала он не обратил внимания на новую секретаршу. То есть заметил, конечно, что в приемной появилась незнакомая девица, но едва ли узнал бы ее, встретив на улице.

Все изменилось, когда новая секретарша впервые принесла ему бумаги на подпись. Девчонка смотрела на него с радостным обожанием и немного со страхом, и ему от ее глупого страха сделалось весело.

Он не сказал тогда ни одного лишнего слова, но между ними сразу словно установилась невидимая связь, и потом, встречая ее в секретариате или просто в коридорах, Борис чувствовал, как наполняется радостью, а еще видел, как Лиза вспыхивает от этих мимолетных встреч, и то время, когда ничего еще не было сказано, казалось ему самым счастливым в его жизни.

Нет, он не прав, самое счастливое время теперь, когда она сидит напротив него со спутанными волосами.

Борис достал из шкафа дубленку, бросил на стул в прихожей. Дубленка слабо пахла каким-то средством от моли. Запах не был неприятным, но раздражал.

– Я пошел, Лизочка. – Борис поцеловал жену раз, а потом еще.

В машине было холодно, он сразу включил печку. Медленно миновал шлагбаум, как обычно, повернул направо и неожиданно прижал машину к тротуару.

Машин на тихой улице было мало, пешеходов тоже. Подметая снег, по тротуару проехал трактор.

В нарушение всех правил Борис задним ходом проехал несколько метров, теперь шлагбаум был впереди, и входящих во двор было отлично видно.

Раньше он никогда не нарушал правила. Сестра, глядя на его манипуляции, зло фыркнула бы, а Лиза посмотрела бы грустно и укоризненно.

Борис мысленно перебрал все намеченные на сегодня дела. Слава богу, никаких встреч не было запланировано, а все остальное подождет.

С лопатами в руках мимо прошли два дворника-азиата. Парни были молодые, они весело смеялись.

Молодая женщина прокатила коляску с младенцем. Ветер дул женщине в лицо, и она немного отворачивалась.

Свернула к шлагбауму домработница Оксана. Лиза иногда на нее жаловалась, но менять девушку почему-то не хотела.

Совсем в другой жизни им с Олей казалось невероятным иметь домработницу. Они тогда даже памперсы старались покупать подешевле.

Тяжелое было время, а вспоминалось как светлое.

Борис редко вспоминал первую жену, а сейчас почему-то вспомнил.

Он ждал появления машины жены, но Лиза пешком вышла из-за шлагбаума.

Он забыл, Лиза говорила, что отогнала машину в автосервис.

Жена в светлой шубке с накинутым на голову капюшоном повернула от шлагбаума в противоположную от него сторону. Она шла не быстро и не медленно, не оглядываясь.

Он вышел из машины, стараясь не приближаться, пошел следом. Если она обернется, не сможет его не заметить.

Лиза не обернулась. Повернула направо, перешла улицу. Ветер был сильный, холодный, жена прижимала рукой капюшон. Борис поднял воротник дубленки, поежился.

Лиза свернула к торговому центру. Здесь прохожих было больше, Борис рискнул сократить дистанцию.

Жена скрылась за стеклянной дверной вертушкой, через несколько секунд он тоже вошел в теплоту торгового центра. Боялся потерять жену, но увидел ее почти сразу.

Лиза стояла у расположенного у стены банкомата и снимала наличные.

Капюшон с головы она откинула. Утренней небрежности в волосах не было, прическа казалась безупречной.

* * *

В такси Семен ее обнял. Наташа недовольно отодвинулась, покосилась на сидевшего впереди водителя.

Семен тоже посмотрел водителю в затылок, вздохнул и опустил руку.

– Сиди дома, я вечером за тобой приеду.

– Ладно.

Утренние пробки еще не набрали силу, до ее дома они доехали быстро.
У машины Семен ее опять обнял и крепко, с удовольствием, поцеловал. Если Ксюша смотрит сейчас в окно, придется что-то объяснять.

Наташа себе не могла объяснить прошедшие двое суток.

Родная квартира показалась чужой. Наташа отдернула занавески, постояла у окна. Потом сняла с мольберта холст с букетом и поставила чистый.

Она напишет утренний лес. Влажную от росы траву, узкую дорожку между густых деревьев.

Наташа выпила кофе, приготовила краски. Позвонили в дверь. «Ксюша, – с веселой тоской подумала Наташа. – Видела меня в окно и теперь потребует отчета».

Но за дверью вместо подруги-соседки стояла бывшая жена Виктора Лариса.

Шуба на ней была, как и в первый раз, коричневая.

– Здравствуйте, – грустно улыбнулась Лариса. – Я не сразу узнала вас у Сенечки…

У «Сенечки» она на Наташу даже не посмотрела.

– Я вас не отвлекаю? – забеспокоилась Лариса.

– Нет. – Наташа отступила, давая гостье войти.

– Меня зовут Лариса.

– Наталья.

Лариса была лет на пять старше Наташи. Наташа когда-то читала, что люди безошибочно угадывают возраст, близкий к своему. Еще безошибочно угадывают возраст, близкий к возрасту своих детей, но у Наташи детей не было.

Наташа, прикрыв дверь в комнату-мастерскую, провела гостью в другую комнату. Ксюша обычно сразу шла на кухню.

Наташино жилище Лариса оглядела бегло, но внимательно. Опустилась в кресло, повертела в руках статуэтку-тигра. Ее Наташа привезла из Таиланда, куда однажды ездила отдыхать.

– Как же так случилось с Витей?.. – Лариса поставила статуэтку на место и подняла на Наташу глаза. Глаза быстро наполнялись слезами.

– Я почти ничего не знаю. – Наташа села в соседнее кресло. – Я и Виктора почти не знала.

– А с Сеней?..

– С Семеном мы познакомились потом. Совсем недавно.

– У Сени сложный характер… – Гостья погладила тигра пальцем. – Но Витю он любил. Витя говорил, что он заменил ему отца. Между ними было десять лет

разницы.

Слез в Ларисиных глазах больше не было. Наверное, минуту назад они Наташе просто померещились.

– Мы с Витей были очень молодые, когда поженились. Поссорились, разошлись…

– Я его с женщинами ни разу не видела, – безошибочно угадав, что интересует Ларису, сказала Наташа.

– Я знаю, – кивнула гостья. – Он любил меня. А я любила его.

Наташа ей не верила.

– Что Сеня собирается делать с квартирой? – помолчав, быстро спросила Лариса.

– Не знаю.

Гостья покусала губы. Кажется, этот вопрос ее тоже очень интересовал.

Еще Наташе показалось, что Лариса ждала сочувствия. Поссорились, разошлись, и теперь у нее нет никаких прав на имущество бывшего мужа.

– Хотите чаю? – предложила Наташа.

Мама учила, что предлагать еду не нужно, а нужно сразу подавать на стол. Чтобы не ставить гостей в неловкое положение.

Лариса покачала головой – нет.

– Витя Сене подражал, бороду стал носить. А в медицинском учиться не смог, не выносил крови.

Пейзаж нужно обязательно сделать утренний, с пробивающимся сквозь листья солнцем.

– Когда у них мама болела, Витя один за ней ухаживал. Сеня ни разу не приехал…

Наконец Лариса поднялась, помедлила.

– Я запишу на всякий случай ваш телефон?

– Да-да, – кивнула Наташа. – Конечно.

Она заперла за гостьей дверь. Соседская дверь мягко хлопнула почти сразу.

Наташа взялась за кисти и принялась ждать вечера. Осадок от разговора остался неприятный, и она старалась его не замечать.

* * *

Лиза убрала пачку денег в кошелек, а его положила в сумку. Борис Александрович прижался к стене, жалея, что не может с ней слиться. Между ним и Лизой проходили посетители, но их было немного.

Жена быстро пошла к эскалатору, Борис двинулся за ней.

На втором этаже он Лизу потерял. Когда подбежал к эскалатору, ведущему на третий этаж, жены не было ни на ленте, ни где-то рядом.

Торговый центр был практически пуст. Он медленно пошел по коридору, заглядывая за стеклянные витрины. Коридор поворачивал, петлял, Борис старался отслеживать повороты.

Лизы на этаже не было. Подойдя к эскалатору, он поднялся еще на один этаж.

Здесь народу было больше. Небольшое кафе – стойка и несколько столиков, огражденные низким деревянным заборчиком, – привлекало посетителей, почти все столики были заняты. Лизу он увидел не сразу, пушистую шубку жена бросила на стул рядом с собой. Она сидела спиной к Борису, напротив черноволосого парня лет тридцати пяти. Непохоже, что парень был очень рад

встрече с Лизой. Он обреченно слушал, как Лиза что-то говорит, наклонившись через стол.

Наконец Лиза взяла в руки сумку, Борис переместился в сторону, чтобы лучше видеть жену, стал вполоборота к ближайшей витрине.

Черноволосый Лизин собеседник на окружающих внимания не обращал, Лиза тоже не смотрела по сторонам. Она достала из сумки деньги, протянула парню, быстро поднялась и потянулась к шубе.

Борис шагнул за витрину, а когда снова выглянул, жены уже не увидел. Парень в одиночестве допивал что-то из высокого стакана.

Борис спустился по одному эскалатору, потом по другому, достал телефон и позвонил жене.

– Чем занимаешься? – ласково спросил он и тут увидел Лизу. Жена медленно шла от торгового центра, прижимая телефон к уху.

– Я была права, – засмеялась Лиза. – Мой знакомый попросил денег. Я дала. Ты не возражаешь?

Минуту назад Борису было так хорошо оттого, что Лиза его не обманывает, что парень ей не любовник, что хотелось догнать ее и расцеловать прямо на улице. Он и догнал бы, если бы мог признаться, что так отвратительно за ней следил.

Сразу стало противно. Борис мог поклясться, что молодой человек ничего не просил у его жены, а было все как раз наоборот.

– Сейчас домой иду, – говорила Лиза. Она посмотрела по сторонам, перешла улицу. – Погода мерзкая, ветер.

– Не озябни, – посочувствовал Борис.

Жена повернула за угол, он перестал ее видеть.

– Вечером расскажешь мне, что за знакомый такой у тебя, который денег выпрашивает.

– Он не выпрашивает, а просит, – укоризненно поправила Лиза. – Это разные вещи.

Борис достиг поворота, снова увидел впереди жену.

– А кто он такой, я и сейчас могу рассказать. Работал водителем у нашего мэра.

Лиза раньше работала в мэрии волжского городка. Она и сама это рассказывала, и в личном листке отдела кадров было записано. Борис ознакомился с ее документами перед тем, как сделать ей предложение.

– Я его год назад случайно в метро встретила, уже в Москве.

– Здесь он тоже водителем работает?

– Понятия не имею. Не спросила. Но вообще-то у него юридическое образование…

Лиза дошла до шлагбаума и повернула к дому.

Ехать на работу уже не хотелось, но он поехал в офис и, как обычно, задержался допоздна.

Ему и дома какое-то время пришлось посидеть над срочными бумагами. Лиза уже спала. Он понимал, что поступает отвратительно, но не удержался. Достал телефон жены и заглянул в ее банковский счет. Пароль он знал, он постоянно переводил деньги на ее банковскую карту, и Лиза часто при нем проверяла свой счет. Она нажимала на сенсорные клавиши, и Борис запомнил пароль. Тем более что тот был исключительно простой – дата ее рождения.

Тыкать в экран ему было стыдно. Он мог спросить у Лизы, какую сумму она одолжила своему знакомому, а узнавал это таким некрасивым способом.

Лиза сняла сегодня пятьдесят тысяч. В кошельке оставались только несколько тысячных купюр.

Но не это было главное. Оказалось, что у жены имеется еще один счет, и на нем лежит крупная сумма денег. Даже для него крупная. А для девушки из провинции – почти заоблачная.

* * *

Настроение с самого утра было мерзким. Обычно Антонина не позволяла себе обращать внимание на собственное настроение, вставала и начинала работать, но сегодня, даже занимаясь со студентами, не могла отделаться от тягучей тревоги.

То, что брата было жалко до смерти, являлось половиной беды. Больше мучило предчувствие непонятной, незримой надвигающейся опасности.

Такое с ней было лишь однажды. Много лет назад молодая Антонина, стоя в набитом вагоне метро, ловила себя на мысли, что ехать в университет ей не хочется, тянет немедленно вернуться домой. Она не вернулась, конечно. Она явилась домой вечером и нашла на полу мертвую маму.

Потом врачи говорили, что сделать ничего было нельзя. Даже если бы Антонина была дома и немедленно вызвала «Скорую», спасти маму возможности не было. Смерть была неожиданной и почти мгновенной. Тромб.

«Не кличь беду», – приказала себе сегодняшняя, умудренная жизненным опытом Антонина. А вторую половину поговорки, про то, что беда придет сама, говорить не стала. Поостереглась.

Тянуло немедленно позвонить брату, но Антонина с собой справилась. Людям надо нести добро, делиться психозом – последнее дело.

Про взятые у брата Семена книги она вспомнила, только когда обнаружила их в сумке, собираясь на работу. Повертела книги в руках и сунула под мышку. Когда запирала дверь, книги выпали, и из одной вывалилась фотография, старая, черно-белая. Видимо, фото служило закладкой.

На фотографии молодая женщина улыбалась в объектив. Фото Антонина сунула в сумку, а книжки оставила на окне первого этажа подъезда. Найдутся желающие – возьмут. Не найдутся – уборщица выбросит. То есть уборщик. Подъезд мыл молоденький парнишка-таджик. Парень был улыбчивый, веселый, но Антонина очень его жалела. Молодежь должна учиться, а не подъезды мыть.

С утра у нее были две лекции, Антонина их прочитала, заглянула на кафедру и отправилась домой, думая, чем занять вечер.

В кафе у метро она зашла не потому, что проголодалась, а просто чтобы убить время. Пока ждала заказанный куриный шашлык, вспомнила про фотографию, достала ее из сумки и вгляделась в лицо незнакомой женщины. Красавицей женщина не была, и короткая стрижка с закрывающей лоб челкой ей не шла, но определенное очарование в лице было.

Антонина сунула фото назад в сумку. Надо позвонить Семену, сказать про фотографию, но у доктора сейчас наверняка прием и едва ли он ответит.

«Поеду и суну под дверь Виктора, – решила Антонина. – Все равно делать нечего». Тут она вспомнила про симпатичную соседку Наташу. Антонина снова полезла в сумку, достала телефон.

– Да, Антонина Александровна, здравствуйте, – откликнулся женский голос.

Антонина рассказала, как обнаружила в книге фото, выяснила, что Наташа дома и уходить не собирается, и вызвала такси. Семен когда-нибудь столкнется с соседкой, и проблема будет решена.

Соседка Антонине не то чтобы обрадовалась, но и недовольной не казалась.

– Заходите, – улыбнулась Наташа. – Раздевайтесь.

Заходить Антонина не собиралась, но почему-то зашла. Наверное, потому что хотелось себя отвлечь от утренних нехороших мыслей, которые продолжали упорно возвращаться.

Фото Наташа разглядывала внимательно. Вздохнула и положила карточку на стол.

– Мама, – предположила девушка. – Мама Семена и Виктора.

– Да? – удивилась Антонина и покачала головой. – Мне кажется, на Семена не похожа.

– Похожа, – возразила Наташа. – Глаза те же. И брови.

Антонина снова взяла карточку. Соседка права, странно, что Антонина не заметила сходства. Впрочем, Наташа художница, замечает больше, чем бездарная Антонина.

– Сегодня опять приходила жена Виктора.

– К тебе?

– Приехала в квартиру, но ко мне тоже зашла, – улыбнулась девушка. – Позвонила в дверь. Но я действительно про убийство ничего не знаю. По-моему, ее больше интересовало наследство.

– А ты-то здесь при чем? – удивилась Антонина. – Это ей с Семеном надо обсуждать, а не с тобой.

Наташа смутилась, промолчала. А Антонина неожиданно припомнила, как, упоминая Семена, Наташа опускает глаза.

Антонине стало жаль девчонку и даже захотелось ее предостеречь. Антонина на себе испытала очарование модного доктора. Видела, как из его кабинета выходят сияющие пациентки, а еще видела, с каким обожанием смотрят на него медсестры.

Доктор умел и любил нравиться женщинам.

Хобби у него такое.

Впрочем, все это Антонина могла просто придумать, потому что старая дура и изнывает от скуки.

Наташа предложила чай, но Антонина поднялась и стала прощаться. Она не любила никому надоедать, а у хозяйки наверняка полно своих дел.

* * *

Семен позвонил в начале девятого, когда Наташа, ругая себя нехорошими словами, совершенно извелась от ожидания. Конечно, она не верила в мгновенно вспыхнувшую страсть, но одиночество, к которому она привыкла с тех пор, как Гарик уехал на работу в Штаты, вдруг показалось таким противным, что Наташа готова была уйти из дома куда угодно. Встретиться с Варей, например. Или поехать к родителям.

– Ты как? – недовольно спросил Семен.

– Никак, – ответила Наташа. – Тебя ждала.

Конечно, этого не надо было говорить. Получалось, что она ему навязывается. Ужас!

– Сейчас выведу Кузю, потом мне надо встретиться с одним человеком, а потом приеду. – Он помолчал и передумал. – Приезжай сама, а? Возьми такси, я заплачу.

– Я сама в состоянии заплатить, – проворчала Наташа.

– Приезжай, – жалобно попросил Семен. – Пожалуйста.

Конечно, она поехала. За окном машины падал снег, а Москва казалась красивой и почему-то чужой. Наверное, потому что Наташа редко ездила по вечернему городу.

Семен обнял ее, не дав снять пуховик. И это было так хорошо, что она стояла бы в тесной прихожей до конца своих дней.

Кузя тыкался носом в ноги.

Звонок зазвенел прямо над ухом. Семен опустил руки, буркнул ей:

– Раздевайся, – и отпер дверь мужчине лет сорока.

Мужчина был высоченный, под потолок, хмурый. А может быть, просто уставший.

Представлять Наташу Семен не стал, провел гостя в комнату. Наташа шмыгнула на кухню, обняла отправившуюся за ней собаку.

– Тут копии платежек… – говорил гость.

Компаньон Виктора, предположила Наташа.

Мужчина бубнил про какие-то договоры, Семен молча слушал. Наконец сказал гостю:

– Я разберусь.

Кажется, гость ему порядком надоел.

Мужчина вышел в прихожую, потянулся к куртке и вспомнил:

– Да, чуть не забыл. Синявиной я зарплату за прошлый месяц перевел. Дальше что с ней делать?

– С кем? – не понял Семен.

Наташа тоже не поняла.

Гость пожал плечами. Это Наташе было видно хорошо, мужчина стоял к ней спиной.

– Виктор просил переводить деньги Синявиной Ларисе Петровне. Ну… оформили ее фиктивно. Я эту Синявину даже ни разу не видел. Дальше что с ней делать?

– Уволить, – решил Семен.

Мужчина помялся. Наверное, считал, что нарушать волю погибшего компаньона нехорошо. Устало вздохнул и простился с Семеном.

– Витькин компаньон, – объяснил Семен и поинтересовался: – Почему в темноте сидишь?

Он щелкнул выключателем, и только теперь Наташа заметила, какой он уставший. На лбу прорезались глубокие морщины, и возле глаз тоже.

– Устал? – посочувствовала она.

– Одевайся! – не ответив, приказал он. – Пойдем в ресторан.

Наташа отодвинула Кузю, полезла в холодильник. Вчера она сама положила в магазинную тележку все, что купила бы себе. Еду простую и неприхотливую – пельмени, сосиски. Семен при этом складывал только всевозможные нарезки. Нарезки они съели еще вчера.

Кастрюли на виду не было. Она заглянула в плиту и порадовалась собственной сообразительности – кастрюль там оказалось три.

Семен с интересом за ней наблюдал.

– Клади соли побольше, – посоветовал он, глядя, как она наливает в кастрюлю воду.

Чтобы наблюдать было удобнее, он сел на табуретку.

– Сегодня приходила Лариса, – когда пельмени были готовы и она поставила перед Семеном большую тарелку, начала Наташа.

– Куда приходила? – Он положил пельмень в рот и блаженно зажмурился.

– Ко мне. – У Наташи тоже прорезался аппетит, и она тоже принялась за пельмени.

– А… – равнодушно промычал Семен.

Она думала, что появление невестки его заинтересует.

– Рассказывала, что Виктор старался тебе подражать, а в медицинском учиться не смог. Еще рассказывала, что он ухаживал за больной мамой, а ты ни разу не приехал…

– Что? – уставился на нее Семен. Бросил вилку на стол и прокомментировал: – Сука!

– Семен!

– Сука! – Он поднялся, замер, опираясь ладонями на стол, и снова сел. – Мать болела, лежа в больнице. Я оплачивал отдельную палату. И ездили к ней мы с Витькой по очереди.

– Прости.

– Вот что действительно правда… Витя очень переживал, когда матери не стало, а я… не очень.

– Так не бывает!

Он дернул головой, не ответил. И на Наташу не смотрел. Ей было очень его жалко.

– Виктор оформил Ларису на работу и платил ей зарплату, я правильно понимаю?

– Все! – отрезал он. – Я не хочу больше говорить об этой стерве!

Он наконец посмотрел на Наташу и улыбнулся. И она поверила, что он тоже весь день ее ждал.

18 декабря, вторник

– Боря, ты узнал про фирму для Кости? – вспомнила Лиза за завтраком.

– Забыл.

– Бо-оря!

Борис заставил себя улыбнуться. Болела голова, он потер виски.

– Ты плохо себя чувствуешь? – заволновалась жена.

– Нормально я себя чувствую.

Очень давно, когда только родилась Маша, по фирме, в которой работал молодой Борис, ползли слухи о сокращении. Сокращать Бориса было глупо, он тянул на себе огромную часть всех работ, но Борис поинтересовался у тогдашнего начальника перспективами.

В ответ он услышал, что фирму сливают с более крупной, но Борису при этом ничто не грозит. Его оставят при любом раскладе. Борис начальнику поверил.

Начальник его обманул. Долго извинялся, прятал глаза, обещал взять назад при первой же возможности. И действительно через месяц позвонил, предложил работу. Борис ему отказал, к тому времени он уже устаивался в другую фирму. Но он отказал бы в любом случае.

Простить можно все, кроме вранья.

– Сколько денег ты одолжила своему приятелю? – равнодушно спросил он Лизу.

– Двадцать тысяч, – быстро ответила она. – Он вернет, не беспокойся.

Борису показалось, что его окунули во что-то липкое, мешающее движениям. Его затянули в паутину.

– Ты считаешь, я способен беспокоиться из-за двадцати тысяч? – засмеялся он. Заставил себя засмеяться.

И неожиданно вспомнил, с какой жалостью смотрел на него Семен, когда Борис представил врачу жену. Тогда Борис не понял, что это жалость. Тогда ему даже показалось, что врач Борису завидует.

– Не скучай. – Надев дубленку, Борис поцеловал жену.

– Я всегда без тебя скучаю.

Очень хотелось захлопнуть дверь и вырваться на свободу.

Ощущение несвободы уменьшилось, когда он окунулся в круговерть обычного суетного дня. А потом и совсем пропало. К обеду ему стало непонятно, почему он так болезненно отреагировал на мелкую Лизочкину ложь.

Жена не сделала ни малейшей попытки уединиться со вчерашним знакомым. Это главное, а сколько денег она ему одолжила, не имеет никакого значения.

Она имеет право на маленькие секреты.

Борис почувствовал себя выздоравливающим после тяжелой болезни.

Черт возьми, сестра права, утверждая, что мы тратим нервы на то, что сами себе придумываем. Ждем катастроф, которые не происходят, и не ценим то, что имеем.

После смерти Ольги он панически боялся умереть и оставить Машу одну. Конечно, Тоня никогда племянницу не бросила бы, но тетка никогда не сможет заменить родителей.

Он не умер, вырастил Машу. И теперь имеет право на собственное счастье.

Снег за окном падал плотно, обещая неслабые вечерние пробки. Борис оделся, вышел из офиса и с удовольствием пообедал в ближайшем ресторане.

Утренняя головная боль прошла, оставив противную усталость. Нужно позвонить Семену, попросить какие-нибудь пилюли для прочистки мозгов.

К доктору он ездил раз в полгода. Семен уверял, что жить Борису еще лет тридцать, не меньше, но таблетки заставлял пить регулярно. Злился и орал, безошибочно угадывая, что Борис иногда позволяет себе выпить лишнего.
А когда узнал, что Борис женился, искренне за него радовался.

Все болезни от одиночества, всегда уверял Семен. О своих пациентах доктор старался знать все, и как-то так получалось, что люди с ним охотно откровенничали.

О грядущем визите к доктору Борис упомянул жене случайно и очень удивился, когда Лиза решительно и настойчиво вызвалась поехать вместе с ним.

– Зачем? – не понимал он. – Тебе придется полчаса сидеть в коридоре.

– Посижу, – не отставала Лиза, и ему казалось, что быть более счастливым, чем он в ту минуту, невозможно.

– Моя жена, – когда доктор прощался с очередным пациентом, кивнул на Лизу Борис.

Семен засмеялся, поцеловал Лизе руку, сказал пару дежурных фраз.

Лиза отчего-то смутилась, покраснела.

А прощаясь с Борисом, Семен почему-то на Лизу почти не смотрел, только равнодушно кивнул. Тогда Борису и показалось, что доктор ему просто завидует. Одиноко сидевшая на банкетке Лизочка казалась милой пушистой кошечкой.

– Как он тебе? – спросил потом Борис жену.

– Симпатичный дядька, веселый, – кивнула Лиза. Но Борис был уверен, что доктор жене не понравился.

Вернувшись на работу, Борис прикинул, кому следует позвонить, и быстро выяснил, что фирма, в которую планирует поступить Костя, работает устойчиво и имеет большие шансы на хорошее государственное финансирование.

Потом Борис позвонил дочери и, слыша родной голос, почему-то с грустью почувствовал, что Маша от него безвозвратно отдаляется. Оснований для грусти не было, он мог в любой момент увидеться с дочерью, а неприятное чувство возникло.

У него хорошая, любящая дочь, у него хорошая, любимая жена, а он, непонятно почему, чувствовал себя одиноким. Даже более одиноким, чем до женитьбы.

* * *

Семен позвонил днем и скорее приказал, чем попросил:

– Приезжай в клинику. Так получится быстрее.

Наташе давно никто не приказывал, если не считать заказчицу Елизавету. Но Елизавета приказывала, извиняясь при этом, и приказания выглядели скорее просьбами.

– Хорошо, – вздохнула Наташа.

Найдя на карте Яндекс, где располагается клиника, она прикинула время на дорогу. На нее уйдет час, не меньше.

Такого снежного декабря, как в этом году, она не помнила. Обычно снега не было почти до самого Нового года. Снег искрился под фонарями, уютно поскрипывал под сапожками. От метро до клиники было две троллейбусные остановки, но она пошла пешком.

Однажды они с Гариком встречали Новый год у Наташи на даче. В городе в тот год снега практически не было, а за городом его оказалось так много, что они добрались до дачного дома в мокрых сапогах. Гарик протаптывал в снегу дорогу, Наташа осторожно ступала следом. Потом они сушили мокрую обувь у печки, пили шампанское, а утром поехали в Москву с первой электричкой.

Тогда Наташе казалось, что им никогда не бывает скучно вместе.

Над входом в клинику светилась разноцветная вывеска, а рядом с дверью стояла елка, опутанная мерцающей гирляндой.

Почти напротив входа к тротуару прижалась темная машина, внутри откинулся на кресло скучающий водитель.

Им с Гариком было скучно вместе, иначе они никогда не уехали бы из пустого дома ранним утром.

Наташа позвонила в висевший около двери звонок, когда замок щелкнул, вошла внутрь, надела бахилы, сунув ноги в специальный автомат.

Сидевшая на ресепшене девушка посмотрела на нее с ласковым удивлением.

– К Семену Аркадьевичу, – объяснила Наташа.

– Вы записаны?

– Нет.

Девушка, помедлив, назвала номер кабинета.

Девушка была моложе Наташи, чуть полная, уютная и, что Наташа была вынуждена признать, красивая.

Семен вышел из кабинета, едва она успела усесться напротив двери с его табличкой. Он улыбался во весь рот, а рядом с ним улыбалась дама лет сорока. Наташа могла голову дать на отсечение, что тетка с Семеном кокетничала.

– Так что немедленно бери отпуск и отдыхай! – Семен наклонился к женщине. – И с приятелем своим почаще встречайся. А еще лучше, выходи замуж.

– Да ну вас, Семен Аркадьевич! – смеясь, махнула рукой дама.

Тут Семен заметил Наташу, равнодушно бросил:

– Пришла? Подожди! – и скрылся в кабинете.

Дама-пациентка на Наташу даже не взглянула, а, перестав улыбаться, отправилась к ресепшену, заговорила с уютной красавицей.

Половина коридора погасла, наверное, они остались в помещении последними.

Семен в распахнутой куртке вышел через несколько минут.

– Пошли! – сказал Наташе и зашагал к выходу.

– Семен Аркадьевич, машина вас ждет. – Медсестра уже сняла белый халат. Под халатом был обтягивающий свитер. Его ей стоило купить на пару размеров побольше.

Теперь коридор весь погрузился в темноту. Семен дождался, когда девушка наденет пуховик, пропустил медсестру и Наташу вперед, потыкал в какие-то кнопки и, выйдя на крыльцо, запер дверь клиники.

– До завтра, Семен Аркадьевич, – улыбнулась ему девушка. И Наташе тоже вежливо сказала: – До свидания.

– До завтра, Миланочка. – Семен весело и ласково кивнул сослуживице.

Взял Наташу за руку и потянул к стоявшей рядом желтой машине такси.
И только перед тем, как открыть дверь машины, легко и быстро обнял Наташу. Почему-то Наташе хотелось, чтобы медсестра это видела, но девушка была уже далеко и не обернулась.

Темная машина остановилась сзади, когда Семен расплачивался у своего дома. И проехала мимо подъезда, когда такси освободило дорогу.

Перед лицом водителя висела нитка темных бусин. Четки.

Такие же четки висели у водителя, ждавшего кого-то у клиники.

Кузя, жалобно скуля, запрыгал около Семена, когда хозяин вошел в квартиру. Наташа протиснулась следом, и собака запрыгала около нее тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniya-gorskaya/nezrimye-niti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить